
СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Стерилизация социальной дифференциации: русский «средний класс» и эмиграция

Л.Д. ГУДКОВ, Н.А. ЗОРКЛАЯ

Неопределенность субъективной стратификации в России делает условными общепринятые классовые и слоевые классификации. Авторы связывают стертость социальной структуры российского общества с институциональной недифференцированностью, зависимостью экономики и судебной системы от авторитарной власти, с одной стороны, а с другой – с последствиями уравнительной политики, обеспечением социальной однородности и морально-политического единства, проводившейся советскими властями на протяжении десятилетий. В результате группы, которые могли бы стать российским «средним классом», не располагают достаточным культурным и символическим капиталом для идентификации себя в качестве особого класса, социальная функция которого признается в обществе другими группами. Основываясь на данных многолетних опросов специалистами Левада-Центра населения и «продвинутых» групп жителей крупных городов, касающихся представлений людей о своем статусе и готовности эмигрировать, наиболее успешных в экономическом плане групп, авторы констатируют, что в России на протяжении ряда лет сохраняется стабильная, довольно высокая доля людей, так или иначе думающих об отъезде из страны.

Ключевые слова: стратификация, «средний класс», эмиграция, институциональная система

К вопросу о социальной структуре посттоталитарного общества

Цель данной статьи состоит не только в том, чтобы дать содержательный анализ конкретной социальной проблемы, а именно: разобрать мотивы эмиграции наиболее успешных молодых горожан в России, но и – что нам кажется более важным – еще раз привлечь внимание социологов к проблеме социальной стратификации или социальной структуры постсоветского общества, которая остается одной из самых дискуссионных в отечественной социологии [Шкартан, Ястребов 2008;

Шкаратан 2012; *Шкаратан, Ястребов* 2011; *Ястребов* 2011]. По этой тематике идет нарастающий поток публикаций в научных журналах, выходят монографии, описывающие различные аспекты социальной структуры и ее динамики, образ жизни и специфику ресурсов у различных социальных групп населения. Работы Т.И. Заславской, О.И. Шкаратана, Н.Е. Тихоновой, В.В. Радаева, Т.М. Малевой, Е.М. Авраамовой, Л.Н. Овчаровой и других ведущих российских социологов и экономистов легли в основу новой предметной области в социальных науках – изучение процессов стратификации в посттоталитарном социуме. И все же приходится признать, что сегодня у нас нет хорошей («интересной», как говорил К. Поппер) систематической теории социальной стратификации российского общества, которую можно было бы использовать как базу или готовую операциональную схему для эмпирических исследований.

Предложенные учеными классификации группового состава российского общества и его изменений в постреформенный период, опиравшиеся на анализ государственной статистики и данные социологических опросов, позволили в какой-то мере уйти от идеологической трактовки социальной структуры («трехчленки»), характерной для советского времени. Но ни одна из имеющихся аналитических разработок такого рода не дает удовлетворительной таксономии социальных образований в постсоветское время, которая не просто предлагала бы дифференцированное и внятное описание состава и границ больших групп населения, но и отвечала бы субъективным параметрам их причисления себя к группам, слоям, статусным позициям. Все они служат, прежде всего, объективистским целям упорядочивания и классификации материала, а не пониманию и объяснению процессов социальной стратификации.

Правда, на смену старым схемам приходят новые идеологические представления и обусловленные ими понятийные конструкции. Практически ушли из актуальной повестки социологов и экономистов проблемы «рабочего класса», занимавшие ранее одно из первых мест в изысканиях, но исследования крестьянства, точнее, сельского населения, сохраняют свою значимость, хотя уже не в таком объеме, как раньше. Новыми стали разнообразные исследования полярных групп – «бедности», «элиты» (точнее, бюрократии среднего уровня) и предпринимательства. Но, если говорить в целом, на первое место выходит тематика «среднего класса», которому в последние годы уделяется самое большое внимание. Важно, что очень часто интерес к этой проблематике вытекает не из академической потребности в разработке концептуального аппарата теории социальной стратификации, а во многом обусловлен внес научными причинами [*Самсон, Красильникова* 2010]. С диагностикой и определением удельного веса «среднего класса», динамикой его роста, политическими перспективами и т.п. связан целый ряд политических, идеологических, но также и экономических вопросов модернизации России, имеющих уже вполне практическое значение.

Сама по себе эта тематика актуализировалась с подачи околокремлевских политтехнологов и консультантов после того, как руководству России внушили, что формирующийся «средний класс» – существование обеспеченных и довольных жизнью людей, составляющих большинство населения на Западе – может стать основой поддержки государственной власти, социально-политической стабильности

и развития (технологической модернизации), поскольку люди такого типа заинтересованы в постоянном росте экономики, в порядке; они привержены национальным ценностям; далеки от радикальных идеологий и проч. В выступлениях первых лиц государства была сформулирована задача довести объем российского «среднего класса» до 60% всего населения. Успешное формирование отечественного «среднего класса» в заданных пределах могло бы обеспечить легитимацию нынешней авторитарной системы, доказать успех превращения России в «нормальную» развивающуюся страну и снять тем самым целый ряд неприятных критических вопросов, касающихся характера путинского режима, называемого российской оппозицией и западной общественностью «репрессивным, неправовым, недемократическим» или даже, как иногда пишут, «мафиозным, клептократическим и полицейским».

Но было бы неправильным сводить интерес к проблемам «среднего класса» в России исключительно к стремлению подыгрывать в этом властям. Значительное место в исследованиях такого плана занимают поиски ответов на вопросы, где лежат факторы изменения тоталитарной системы, какие силы способны вывести страну из замкнутого круга государственного деспотизма и насилия. Транзитологические теории единогласно указывают на «средний класс» как общественный слой или силу модернизации и демократизации режимов такого рода. Поэтому, как и следовало ожидать, отечественная академическая и университетская наука (как и примыкающие к ним «независимые» научные центры) откликнулись на подобные ожидания огромным количеством заказных или инициативных исследований разного масштаба, направленных на доказательство не просто существования, но и бурного роста численности «среднего класса» в России. Именно в этом контексте проблематика формальных таксономий давала удобный повод соединить майн-стримовский интерес к перспективе появления и расширения «среднего класса» с методическими возможностями измерения системы стратификации¹. В последнее время, после начала массовых митингов протеста, которые, как показали соответствующие исследования, представляли собой выражение требований именно «среднего» или «городского класса» успешных и образованных людей, отношение политической верхушки к этой тематике резко изменилось и политические лидеры страны не только утратили интерес к «среднему классу», но и стали воспринимать его как угрозу действующему режиму, переориентировавшись на молчаливое патристическое большинство работников госсектора и оборонных предприятий.

Заменителями «трехчленки» (как мы полагаем, временными) все чаще становятся формальные типологии, заимствованные из западных социальных наук, восходящих к концепции «классов» американского общества, предложенных в начале 1940-х гг. У.Л. Уорнером [*Warner 1949*]. Их принцип предельно прост: выделяются классы или статусы – «высший», «верхний средний», «средний средний», «нижний средний» (или рабочий), «низший», основанные в первую очередь на распределении доходов и связанных с этим дополнительных характеристиках индивидов. Как правило, исследования

¹ В зависимости от установок исследователей к «среднему классу» сегодня относят от 7–8% населения до 40 и более процентов. Эластичность операциональных критериев отнесения к «среднему классу» превращает эту проблему в вопрос не столько научный или даже идеологический, сколько в «техническую» задачу бюрократического манипулирования данными статистики.

российских ученых исходят из «объективных» (статистических) критериев социальной морфологии, таких как социально-профессиональные характеристики индивида, размер его дохода или ресурсов его семьи, величина и природа ренты и других «активов», профессиональная квалификация работника, полученное им образование, наличие собственности, положение в системе власти и управления, типы потребительского поведения, степень и многообразие информационных запросов и т.п. Комбинации подобных признаков в рамках отечественного научного дискурса образуют различные типологические конструкции социальных «слоев» или «классов», а их сочетание или наборы – представления о социальной структуре российского общества.

Методический выбор формального подхода к стратификации, основанного на количественных характеристиках социального положения респондента, открыл поле для собственно эмпирического изучения общества, что существенно расширило и представления о многообразии социального состава трансформирующегося общества, и его внутренних противоречиях. Однако такой ход привнес с собой и новые догмы, и неконтролируемые установки, прежде всего – неявное отождествление современных демократических обществ с посттоталитарными, представление о том, что Россия такая же «нормальная» развивающаяся страна как и многие другие, уже прошедшие фазу модернизации, что по своим показателям – потреблению мобильных телефонов, душевому доходу, удельному весу людей с университетским дипломом и т.п. – она уже не отстает от других, а в чем-то даже и превосходит их. Иначе говоря, формальные таксономии весьма удобные для межстрановых сравнительных исследований (поскольку они внутренне заданы и обоснованы логикой транзитологических концепций, заданной институциональной системой и системой стратификации самого современного, развитого и демократического общества), начисто лишены связи с культурным и символическим контекстом социальной стратификации в России. Они вытесняют понимание особенностей ее истории и институциональной системы, определяющей типы социальной стратификации, а, значит, не учитывают характер легитимности собственности и правовых отношений, а также распределение экономических, властных ресурсов по «классам» или «стратам» в обществе. В теоретическом плане отечественные исследователи социальной структуры опираются либо на неомарксизм, либо на неовеберизм, при этом в последнем случае из виду упускается главное в веберовском подходе к этим проблемам. Для веберовской парадигмы исследований стратификации, представленной в его фундаментальном труде «Хозяйство и общество», принципиально значимым был именно культурный или символический, смысловой контекст стратификации [Weber 1972]².

Принятые формальные таксономии не предполагают учета взаимосвязей социального положения с институтами (в особенности с системами господства, права,

² Здесь особенно важна глава IV тома I «Сословия и классы» (с. 177–180). Особенность веберовской социологии заключается в том, что он стремился рассматривать институциональные формы в любой предметной области (социологии господства, права, музыки, политики и т.п.) как синтез идей и (идеальных или материальных) интересов акторов. Он прослеживал, как влияют идеи (культура, идеология, религия) на характер интересов группы и механизмы ее солидарности, и, наоборот, как определенные групповые и институциональные интересы задают силовое поле для рационализации идей. Без учета смыслового характера подобного взаимодействия «веберовская парадигма» в интерпретациях процессов социальной стратификации выглядит неправомерной вульгаризацией.

политической организацией, религией, формами общности, определяющими представление о социальном порядке, справедливости и т.п.), они изолируют проблематику социоморфизма от этих связей³. Это означает, что объективистские понятия форм социальной структуры могут служить лишь генерализованными рамками для предварительного анализа сложившихся или складывающихся структур институционального и группового взаимодействия. Они играют роль предварительных методологических ограничений («предельных» типов) в процессе поиска средств «понижающего» описания субъективной стратификации, которое концептуально должно учитывать более сложные аспекты социальной морфологии, включая исторические и культурные основания для социальной топологии и стратификации.

Вместе с тем все чаще возникают теоретические антиномии и проблемы, суть которых можно свести к следующему. Принятые и широко используемые в западной социологии формальные классификации (например, рекомендованные ESOMAR) и конструкции социальных образований не могут учитывать субъективные представления населения России о социальном составе и социальной иерархии общества. Применение же их в практике эмпирических исследований, в первую очередь – массовых опросов, разумеется, дает какие-то распределения по социальному положению, но, как показывает опыт социологических исследований, для большей части респондентов, как правило, эти категории оказываются навязанными или вмененными, а значит, с трудом соотносятся с их собственным пониманием своего социального положения или образа жизни. Люди не идентифицируют себя в подобной сетке понятий. Исключением является сравнительно небольшое социальное количество респондентов (примерно 6–8% всего населения), занятых преимущественно в частном секторе, жителей мегаполисов, молодых и обеспеченных, с достатком выше среднего, референтными группами которых оказываются воображаемый европейский «средний класс», представление о котором составлено на основе потребительских моделей, полученных из СМИ, модной рекламы и каналов массовой культуры (т.е. без понимания этической и ценностной основы, исторического прошлого подобных групп).

³ Возьмем для примера такой важный показатель стратификационных распределений социальных ресурсов как наличие высшего образования (особенно значимый для определения «среднего класса» и соответственно подразумеваемой характеристики достижительности представителей этой категории, сделавших себя сами, а не получивших свои ресурсы по наследству, и потому воспринимающие себя как норму современного общества, а свои ценности как систему координат для других). Но при этом остаются совершенно неучтенными те значения или специфические мотивы приобретения высшего образования, которые значимы только у нас в стране: поступление в вуз как средство избежать армии, покупка «корочек», получение формального сертификата образования, открывающего доступ к занятию определенных бюрократических позиций и т.п., что подрывает символический статус высшего образования и девальвирует социальный капитал этого рода. Ответом на подавление достижительности и слабую гратификацию мотивированного и упорного качественного образования (низкой конкурентной ценности элитных дипломов, коррупции, неэффективности механизмов формирования и неавторитетности элит в авторитарном и полузакрытом социуме) стало быстрое распространение суррогатного обучения и резкий рост выпускников провинциальных вузов или заочников с низким качеством обучением [Зоркая 2008, с. 8–22].

Имплицитные проблемы субъективной «стратификации» населения

Абсолютное большинство российских респондентов на протяжении последних 20 лет измерений относят себя к «среднему» или к «нижнему среднему» классу⁴. Так, судя по данным ежемесячных опросов Левада-Центра, 85% опрошенных характеризуют свое социальное положение как «среднее», относя себя преимущественно к «среднему слою среднего класса» (45% в среднем за последние 10 лет наблюдений) или «нижней части среднего слоя» (36%). «Верхний средний» устойчиво образует 3%. С «высшем» слоем идентифицируют свое положение лишь 0,3% всех опрошенных⁵. При этом нормой, определяющей характер массовой стратификационной идентификации, оказывается отнесение себя к бескачественной «середине». Иначе говоря, значимой становится причастность индивида к тому проективному множеству, которое лишено специфических социальных признаков («быть как все», «не высовываться»). Введение же в шкалу статусных самоопределений каких-либо содержательных признаков, в особенности сохраняющих отсылку к советским стратификационным шаблонам, как, например, «рабочий класс» или «крестьянство», смещает фокус слоевой идентичности, возвращая индивида к рутинным, знакомым по советскому времени, безопасным определениям, и дает ему возможность присоединения к апеллятивному «большинству», советскому «массовидному человеку», модельным образцом которого в идеологических конструкциях всегда выступал именно «промышленный рабочий».

Стратификационные установки такого рода демонстрируют устойчивость в течение многих лет: на протяжении всех 2000-х относительное большинство причисляет себя к «среднему среднему» слою общества, и лишь после кризиса 2008–2009 гг. отмечается заметный рост тех, кто стал относить себя к низшей части «среднего слоя» (рисунок 1).

Состав среднего слоя («среднего среднего») далеко не так однороден, чтобы можно было говорить о кристаллизации «класса» или «сословия». Ни характер полученного образования, ни тип профессиональной занятости, ни уровень доходов (тогда надо привести род занятий и доходы) не являются определяющими факторами подобной стративной идентификации (таблица 1). Более значимым обстоятельством референции к «середине» оказывается функциональная оппозиция «они – мы», «свои – чужие», в которой «мы» точно также не является отмеченным членом, как и «они». Разделение проходит лишь по одному основанию, по принципу негативной идентичности: «они» – это власть, начальство, «политика» и т.п., представляющие президиум «тоталитарного синдрома».

⁴ В начале 1989 г. к «высшему слою» или «классу» (к 8–11 ступени условной «общественной лестнице»), отнесли себя 5% опрошенных (общесоюзная выборка), к «среднему слою» (5–7 ступень) – 43%, к «нижнему слою» (1–4 ступень) – 49% [Советский простой человек 1993, с. 51–65, в особенности с. 53]. выпускников провинциальных вузов или заочников с низким качеством обучением [Зоркая 2008, с. 8–22].

⁵ Следует учесть, что в выборках массовых репрезентативных опросов, как правило, плохо представлены как самые высшие и обеспеченные группы, так и социальное «дно».

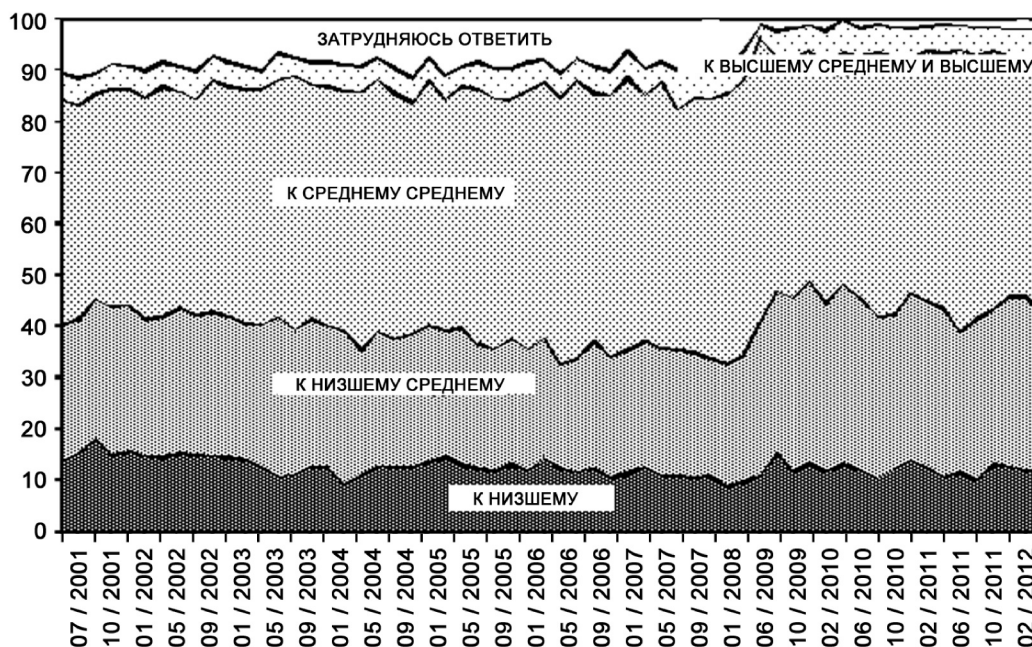

Рисунок 1. К какому слою в обществе Вы бы себя отнесли?

Таблица 1. К какому из следующих социальных слоев Вы бы отнесли себя и свою семью?*

	Всего	Высший слой	Верхняя часть среднего слоя	Средняя часть среднего слоя	Нижняя часть среднего слоя	Низший слой
Число опрошенных	1601	4	47	706	570	273
Пол						
Мужской	46	28	63	49	44	40
Женский	54	72	37	51	56	60
Возраст						
18–24 года	14	49	13	19	10	9
25–39 года	29	–	43	33	28	18
40–54 года	27	52	23	26	30	26
55 лет и старше	30	–	21	22	33	48
Образование						
Высшее	29	–	47	34	28	17
Среднее специальное	31	78	22	31	32	28
Среднее	19	22	25	19	18	22
Ниже среднего	21	–	6	16	22	34

Размер населенного пункта по 5 позициям						
Москва	8	–	8	8	9	9
Города более 500 тыс. чел.	23	–	18	24	26	19
Города от 100 до 500 тыс. чел.	19	–	19	22	17	15
Города до 100 тыс. чел.	24	23	43	21	25	25
Село	26	77	11	25	23	33
Род занятий						
Независимый предприниматель	3	27	10	3	2	2
Руководитель, управленческий работник	4	–	23	5	2	1
Специалист без руководящих функций (со специальным образованием)	18	–	12	23	17	8
Военнослужащий, МВД, прокуратура	2	–	2	2	1	0,4
Служащий без специального образования	11	–	13	14	9	8
Рабочий (в том числе мастер, бригадир), в т.ч. в сельском хозяйстве	25	52	21	22	30	26
Учащийся, студент	5	22	7	7	3	1
Пенсионер (неработающий) по возрасту	19	–	9	13	21	32
Пенсионер (неработающий) по инвалидности	5	–	2	3	5	9
Домохозяйка	5	–	3	4	5	6
Безработный, временно не трудоустроен	4	–	–	3	4	6
Доход семьи за прошлый месяц						
Низкий (до 15000 руб.)	21	100	–	15	20	41
Средне-низкий (15000–25000 руб.)	28	–	42	27	29	31
Средне-средний (25000–50000 руб.)	38	–	14	45	37	24
Средне-высокий (50000–70000 руб.)	9	–	22	9	8	5
Высокий (свыше 70000 руб.)	5	–	22	7	7	–
К какой из следующих групп населения вы скорее могли бы себя отнести?						
Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты	4	55	–	1	3	14
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения	19	23	5	9	21	43
Денег хватает на продукты и на одежду, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника) является для нас проблемой	50	–	33	51	57	39
Мы можем покупать некоторые дорогие вещи, такие как холодильник или телевизор, но не можем купить автомобиль	23	22	42	34	17	4
Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что не стеснены в средствах	3	–	19	5	2	–
Мы можем ни в чем себе не отказывать	0,1	–	2	–	–	–

* В % к числу опрошенных, N=1600, сентябрь 2012

Общий тренд динамики субъективной социальной стратификации можно описать как медленный рост «середины» на протяжении 20 лет (на фоне периодических сокращений во время кризисов удельного веса респондентов, относящих себя к «средним» стратам), особенно заметный с 2000-х гг. – начиная с «путинской стабильности» и с увеличения после волнений 2005 г., вызванных попыткой ликвидации привычных привилегий (монетизации льгот), социальных выплат населению, ставших возможными из-за перераспределения нефтегазовых сверхдоходов и некоторого его сокращения после кризиса 2008–2009 гг.

Однозначно интерпретировать такие реакции в настоящее время не получается: подобные распределения могут свидетельствовать как о диффузности критериев стратификационной идентификации, так и о том, что в обществе действуют разные рамки субъективной референции. Соответственно, формальная экспозиция «высший»–«средний»–«низший» респондентами воспринимается в границах их собственного жизненного мира, их собственного пространства значений, а единая или общая система референции к тем или иным стратам – это всего лишь конвенциональный конструкт отечественных исследователей.

Так, анализ субъективных представлений респондентов о своем статусе и месте в иерархии показывает, что структура референций и самоопределений весьма дробна, локальна и носит партикуляристский характер. Как свидетельствуют материалы длительных социологических замеров, проводимых Левада-Центром, внутри отдельных социальных агломераций или социально-территориальных сегментов возникают «собственные» партикуляристские системы стратификации, иерархические шкалы социальных позиций и статусов, которые не могут быть генерализованы до единой системы представлений без насилия над материалом [Константинова 2012]. К «высшим» слоям или классам часто относят себя люди, которые не имеют на это «достаточных» оснований (с точки зрения объективистского социолога, особенно часто это наблюдается в провинции, более однородной по своему составу и с заниженными, бедными по сравнению с «центром», ожиданиями). И наоборот, люди, соответствующие подобным критериям (образованию, доходу, сектору занятости), иногда занижают свое социальное положение (особенно в Москве), поскольку ориентируются не на локальные или «общероссийские» образцы стратификации, а на западные нормы и стандарты (таблица 2).

Для основной массы населения (почти 70% – сумма позиций «жить не хуже, чем большинство» и «жить лучше, чем большинство») горизонт социальной стратификации был (и остается) ограничен ближайшими по положению доходными или статусными группами, что и консервирует ощущение общей социальной однородности (таблица 2), а примерно 20% образуют «социальный низ» и среду физического выживания, являющиеся негативными фокусами для стратификационной идентичности большинства⁶.

⁶ Представления о бедности или «прожиточном минимуме» всегда оказываются гораздо более согласованными и определенными (примерно одинаковыми во всех доходных группах), чем aspirations и представления о «нормальной жизни» [Удков 2011, с. 79].

Сумма ответов «лучше других» составляет 26%, на западные стандарты ориентируются 8–10% (что примерно соответствует доле тех респондентов, которые склонны идентифицировать себя сегодня со «средним классом» западного образца, имея в виду, прежде всего, жизненные стандарты).

Таблица 2. **Какие цели Вы, члены Вашей семьи ставите сейчас перед собой?**

Год, месяц опроса	1998, XI	1999, IX	2000, II	2001, XI	2002, VII	2003, III	2004, IV	2005, V	2006, VIII	2007, VIII	2008, XII	2009, IX	2010, III	2011, III	В среднем по всем годам
Выжить, пусть на самом примитивном уровне существования	28	26	24	18	17	16	18	15	15	20	12	21	23	21	20
Жить не хуже, чем большинство семей в Вашем городе, районе	48	48	51	48	55	55	50	58	56	55	52	55	55	54	53
Жить лучше, чем большинство семей в Вашем городе, районе	12	11	12	17	16	17	21	15	15	16	20	16	14	17	15
Жить так, как живет средняя семья в Западной Европе, США	9	12	11	13	7	9	8	8	8	7	8	6	6	7	8
Жить лучше, чем живет средняя семья в Западной Европе	3	3	3	3	2	2	2	1	2	2	4	2	2	1	2
Сумма ответов «лучше других»	24	26	26	33	25	28	31	24	25	25	32	24	22	25	26

Ответы «затрудняюсь ответить» не приводятся; объем выборки составлял 1600, кроме 2002 г. и 2008 г. ($N=1800$) и 2005 г. ($N=2600$).

Едва ли можно считать формальные таксономии (слоевой идентичности) «классовыми характеристиками», если под «классами» понимать положение на рынке отдельных индивидов, относящих себя к тому или иному классу, т.е. их шансы на получение определенного дохода или владение собственностью, правовые гарантии и полномочия в экономической конкуренции, доступ к распределению ренты разной природы, степень правовой защищенности и т.п.

Проблемы описания этих шансов заключаются главным образом в том, что в обществе с нерыночной или слаборазвитой, формирующейся рыночной экономикой, не представляется возможным говорить о едином рынке, а, соответственно, об универсальных характеристиках индивида.

На это обстоятельство (несовпадение «внешних» научных описаний и структуры самореференций социальных акторов) можно было бы не обращать особого внимания, полагая, что независимость научных дефиниций и аналитического языка описания

реальности от обыденных представлений коренится в самой объективной природе социального знания. Однако в таком пренебрежении субъективной стороной восприятия социальной структуры общества может таиться целый ряд непроработанных посылок, которые имеет смысл развернуть для дальнейшего обсуждения данной проблемы.

Так, например, отсутствие адекватных представлений о значимых для самого населения различиях в социальном положении, соответственно, средств их описания, может означать:

а) неспособность или нежелание ученых принимать во внимание эти различия; это обусловлено идеологическими (ведомственными, корпоративными) установками, конвенциями и интересами;

б) социальная структура российского общества не выражена, стерта или не поддается непосредственному описанию (а значит – и фиксации изменений); групповые и статусные (или сословные, номенклатурные) различия не артикулированы в обыденной жизни и речи, и поэтому культурно, символически не отмечены;

в) язык этих различий табуирован, маркировки межгрупповых дистанций и барьеров подавлены, сознательно стерты под влиянием специфических интересов авторитетных и влиятельных групп, настаивающих по самым разным причинам на социальной однородности общества (единстве нации, интересах большинства, России как целостности и т.п.) и не желающих акцентировать классовые, сословные, иерархические и т.п. межгрупповые социальные различия; признаки социальной дифференциации связаны с сильными ценностными нагрузками и напряжениями, которые табуируют границы между статусами, поскольку затрагивают чувствительную проблематику легитимности доступа к средствам власти, к представлениям о будущем, к вопросам справедливости социального порядка;

г) с момента начала реформ и институциональной трансформации постсоветского общества прошло слишком мало времени; это означает, что неизбежная смена поколений (и предстоящая передача групповых ресурсов) фактически еще не началась или (во всяком случае) не завершилась, социальные формы не устоялись. Другими словами, новые механизмы социального формообразования и репродукции стратификационных различий еще не институционализированы, и не ясно, могут ли они вообще быть институционализированы в будущем в условиях нынешнего авторитарного режима.

Вообще говоря, исходя из общих социологических соображений, следует подчеркнуть, что система социальной стратификации – одна из самых инертных и малоизменяемых, поскольку она предполагает не только длительную аккумуляцию материальных и символических ресурсов и их фиксацию и оправдание, без которых невозможны межпоколенческая или институциональная передача, трансляция (вертикальные лифты, профессиональную мобильность, система обмена и гратификации, специфические принципы формирования элиты и других «классов»). Циклы ее изменения захватывают более продолжительные временные периоды, чем институциональные структуры. Для социологии, изучающей социальное расслоение общества, встает проблема репродукции социального капитала и, соответственно, закрепления стратификационных форм и механизмов поддержания стандартов идентификации индивида со своей стратой. Поэтому, возможно, еще рано говорить и о теории социальной стратификации российского общества, поскольку после пе-

риода ломки институциональной системы в первой половине 1990-х гг. еще не прошло достаточного времени, необходимого для смены поколений и включения механизмов репродукции статусов или их закрепления (еще не истек 25–30-летний срок для завершения полного цикла репродукции или социального воспроизводства).

Причины или мотивы стертости границ между социальными стратами и группами могут иметь разные «истории болезни», что также требует отдельного рассмотрения и детального изучения. Кроме того, исследовательская ситуация осложняется тем, что рыхлость и сегментированность социального пространства России не позволяют иметь дело с единой или общей структурой представлений о социальной стратификации российского общества, отсутствуют общие коммуникативные или институциональные посредники, кроме средней школы, федеральных каналов ТВ и уголовной полиции. Поэтому продуктивнее было бы рассматривать системы социальной стратификации внутри отдельных больших социальных зон, на которые распадается российский социум в зависимости от степени модернизированности⁷.

Значит ли все сказанное выше, что мы можем упустить из внимания серьезные подвижки в системе отношений разных групп и институтов, последствия которых будут сказываться на трансформации политической и экономической систем? Справедливость подобного заключения означала бы, что материальные интересы активных групп в обществе (экономические интересы или интересы распределения авторитета, власти и влияния) оказываются не связанными с условиями сохранения или закрепления своих (прежде всего, более высоких) социальных позиций, статусов, достигнутых ими или их противниками и конкурентами. Необходимость репродукции социального положения требует от влиятельных или обладающих особыми ресурсами групп маркировать межгрупповые барьеры и социальные дистанции как «естественные» различия, закрепленные в праве, т.е. институционально. Если же этого не происходит, то политическая борьба разных групп за владение благами, распоряжение ресурсами, за доступ к власти, за контроль над механизмами перераспределения превращается в борьбу «без правил». (Вероятно, именно это и происходит сегодня, что отражается в неопределенности социальной стратификации российского общества, но удовлетворительного и надежного подтверждения этому предположению у нас сегодня нет, поскольку соответствующие исследования не проводились; более того сама постановка проблемы такого рода выглядит вызывающей и странной для научного сообщества).

Поэтому для разработки будущей общей теории стратификации необходимы дальнейшие исследования, которые могли бы дать ответы на целый ряд крайне сложных в социологическом плане вопросов таких, например, как: 1. каким образом воспринимаются, осмысляются и фиксируются границы между слоями, группами, классами самими людьми (если подобная характеристика работает в социологических опросах); 2. каковы культурные, символические (семантические, субъективные смысловые) признаки социального статуса, чем они определяются и поддерживаются, можно ли говорить о различиях в образе (ведении) жизни,

⁷ См. типологию Н.В. Зубаревич [Зубаревич 2011; Россия-2020: Сценарии развития 2012, с. 387–406] или типологию Л.Д. Гудкова, опирающегося на идеи Р. Роуза [Гудков 2012, с. 6–31].

стиле жизни у разных групп, аккумулирующих эти отличия и кристаллизирующих их до степени социальной демаркации; 3. кто, какие группы или институты задают, вводят и поддерживают подобные межгрупповые границы (социальные дистанции), с помощью каких социальных механизмов (традиций, нормативных санкций, авторитетных мнений элит, закрытых групп, классового положения и т.п.); 4. какими способами, социальными механизмами обеспечивается социализация новых поколений к статусным различиям; 5. какими правовыми (или квази-правовыми) механизмами они санкционируются, легитимизируются?

Исторический фон постсоветской стратификации

Проблема изучения социальной структуры, как известно, возникла в тот момент, когда начала размываться сословная система традиционного общества, т.е. когда появилась необходимость типологического описания новых устойчивых социально-групповых отношений, складывающихся наряду с хорошо известными, но подвергающимися сильнейшей эрозии закрытыми группами (чаще всего – аскриптивными, но не только). Массовизирующееся, становящееся все более открытым и достижительским западное (европейское в первую очередь, но также и американское) общество требовало других средств описания проблем социоморфизма. Понятия «сословия» или «состояния» (*der Stand, estate, order, état, ceto, stato, class, state* и т.п.) постепенно заменялись на «социальный статус», который был открыт для достижения, а классовое положение перестало жестко ассоциироваться с наследственным состоянием, т.е. превратилось в характеристику положения индивида на открытом рынке, определяемого характером собственности, экономическими шансами, компетенцией или профессиональной квалификацией и другими ресурсами, которые могли использоваться для социальной мобильности.

Но исходным для спекуляций на темы социальной структуры, артикулируемым в культуре, закрепленным в обычном или кодифицированном праве оставалось представление о том, что положение той или иной социальной группы в системе общественных отношений и иерархий определяется *значением социальной функции* группы в обеспечении всего целого (семантикой деятельности данной группы в соотношении со значениями других групп).

Высшее сословие воспринималось как высшее именно потому, что связывалось с символическими значениями, наиболее важными и ценными для воспроизводства и функционирования всего целого (аристократия или благородное сословие потому так и называлось, что с этим образом жизни ассоциировались «благородное поведение», в дальнейшем «благородство» как этико-психологическая категория, «культура», «цивилизация», «политесность», утонченность нравов, духовность, героизм и прочие добродетели праздного существования, позволявшего демонстрировать наяву другим слоям или сообществам эти ценностные качества). Напротив, низшее или «подлое», сословие, народ был лишь воплощением рабочих функций, необходимых для обеспечения духовного или военного сословия, лишенным субъективных ценностей и «культуры», отеческого надзора

властей или дворянства. Пиетет по отношению к монашеству или престиж торгового патрициата, честь и авторитет патримониальной бюрократии и т.п. значения – всего это связывалось с закрепленными традициями (ритуалами, обычаями, нравами) функцией группы, чье социальное положение было твердым и неизменным, поскольку четко определялось законами, регламентацией перехода от группы к группе и шансами на вертикальную мобильность по «выслуге», «заслуге», получению высшего образования, приобретению собственности и другим причинам. Сама по себе «функция» включала и оценку (соотнесение с другими значимыми институтами и ценностями данного социума), и значения механизмов воспроизводства статуса, смысла существования группы, ее границ, причем сама по себе «функция» закреплялась традиционными способами своей репродукции (включая не только религию, культуру, образование, семейно-брачные отношения и прочее). Характер передачи положения группы определялся не только отношениями в данной группе, но и социальными или правовыми санкциями со стороны других групп, ритуалами, представлениями о биографических пределах индивида и прочее.

В процессе модернизации и трансформации закрытого, массовизирующегося общества эти связи между положением конкретного индивида и традицией оказались разорванными, а, следовательно, санкция и признание значимости индивида радикально изменились: ослабли наследственные ресурсы и характеристики, усилились те качества и свойства, которые связаны с новыми социальными ролями – профессией, личными усилиями, талантами и достижениями и т.п. Наряду с традиционными механизмами социоморфизма, начали действовать и «элитные» механизмы социальной селекции, основанные на признании авторитетности статуса в соответствии со степенью важности, ценностью достижения. Иначе говоря, система стратификации все сильнее легитимировалась набором элит, демонстрирующих наивысшие достижения общества в тех или иных институциональных сферах, а сам социальный порядок все в большей степени расценивался как «справедливый» только при условии признания законности достижения статуса (собственности, авторитета в той или иной области, престижа, профессионализма и т.п.). Но все это с трудом и болезненно утверждалось в странах, завершающих процесс модернизации. Для того чтобы быть общепризнанной и поддерживаемой обществом, система стратификации должна воплощать собой иерархию ценностей данного общества, его систему приоритетов и авторитетов. Иным образом обстояло дело в России или в СССР.

Упразднение после Февральской революции сословного порядка продержалось в советской России очень недолго: уже в первой конституции РСФСР 1918 г. были восстановлены ограничения политических, экономических и гражданских прав для многих групп населения (номинально – прежних эксплуататорских классов), а иерархия статусов и сословий потребовала нового идеологического оправдания: перевернутая структура привилегий закрепилась за новыми носителями власти – партийно-советской номенклатурой⁸. Категории «лишенцев» и «выдви-

⁸ Реакция общества на радикальное изменение оснований социальной стратификации (смена аскриптивных и достижительских оснований социального авторитета и статуса на новые идеологические, но сомнительные в ценностном отношении), представленная в литературных произведениях попутчиков (в первую очередь – в «Со-

женцев», политика национальной «коренизации» кадров, сохранения аскриптивного принципа социальной селекции и подбора кадров в органы власти и управления (по «социальному происхождению», по «родственникам», по этническому принципу) закрепляли закрытую иерархическую систему советского тоталитарного социума, проектируя и утверждая новую парадигму стратификации. Номенклатура как принцип организации или устройства общества – это не только определенная партийная практика подбора кадров, но и контроль над вертикальной или горизонтальной социальной мобильностью, а, следовательно, и над социальной системой или ее изменениями. Паспортная система, постепенно вводимая в 1930-х гг., фактически закрепляла это положения социально-правового и экономического неравенства, сохранив такую дискриминационную практику до середины 1970-х гг. (получение паспортов колхозниками), а в других отношениях (этническая дискриминация, прописка, недопустимость собственности) – вплоть до краха советской власти в 1991 г.

Нынешняя размытость границ между социальными группами или неопределенность социальной морфологии вызвана вполне понятными социально-историческими причинами, значимыми для оценки возможных изменений: формирование тоталитарных режимов советского типа предполагало масштабное и долговременное огосударствление и массовизацию общества. Это обстоятельство принципиально отличало форсированную, милитаристскую и насильственную модернизацию в СССР от процессов развития массового общества в западных странах, уже завершавших фазу первичной модернизации. Советский режим последовательно проводил политику намеренного идеологического, социального и правового разрушения прежних или вновь нарождавшихся «естественных» (традиционных, аскриптивных или новых, социально и культурно обусловленных) социальных барьеров между статусами, сословиями, группами. Речь идет не только о ликвидации «эксплуататорских» классов в 20–30-х гг. после Гражданской войны и революционного террора, принудительной эмиграции, раскулачивания, коллективизации, массовых репрессий, сопровождавших ломку старой социальной структуры⁹, но и о последующей политике уравни-

бачьем сердце» или «Зойкиной квартире» М.А. Булгакова, в «Зависти» Ю.К. Олеси и др.) еще ждет специального социологического анализа.

⁹ Лишение прав относилось не только к праву выбирать и быть избранным в органы власти, но и к возможностям занятия должностей в государственных учреждениях разного рода, к запрету на образование в старших классах и вузах, к выселению из занимаемого жилья или из крупных городов и т.п., и охватывало как самих пораженцев в правах, так и членов их семей. Как пишет историк, «большая часть "лишенцев" ни по происхождению, ни по реальному социальному положению не принадлежала к выходцам из привилегированных ранее сословий и групп. <...> Большевики преследовали при лишении прав гораздо более глубокие и дальние цели. Первая из них состояла в "доламывании" и "размельчении" доставшихся большевикам от прежнего строя традиционных слоев и групп. <...> Если взглянуть на объекты "поражения" в правах, то станет очевидно, что основной удар режим наносил по наиболее социально независимым от государства и активным, деятельным слоям общества 1920–1930-х годов – торговцам, предпринимателям, зажиточному крестьянству, лицам "свободных профессий" из числа интеллигенции – тем, кто мог составить основу правового, гражданского общества, ростки которого стали появляться в годы нэпа. Перевод этих групп в маргинальное состояние и можно считать наиболее тяжелым для общества в целом последствием. Другое глубокое последствие разрушительного долговременного действия "лишенчество" нанесло институту семьи в целом. Члены семей "лишенцев", в первую очередь молодежь, оказались поставлены в условия жестокого выбора: либо остаться в семье, либо порвать с ней. Тем самым углублялся и властью искусственно воспроизводился конфликт поколений» [Красильников].

ловки, характерной для распределительной экономики, непрерывной «борьбе с пережитками прошлого», «с мещанством», с «чуждыми нашему обществу буржуазными явлениями» – модой, вещизмом и прочее. Стерилизации подлежали любые культурные и социальные механизмы, сохраняющее и репродуцирующее ценностное многообразие. Партийные власти всячески навязывали (и затем подчеркивали) представления о социальной однородности социума, «морально-политическом единстве» руководства страны и народа, настаивали на отсутствии значимых различий в потреблении, в образе жизни между верхами и низами (кроме негласно и произвольно устанавливаемых ими самими). Идеология социального нивелирования, уравниловки сочеталась с системой особых правил, исключений, привилегий, льгот, существования спецраспределителей и т.п. «исключений», однако подобная практика подлежала обособлению, засекречиванию, умолчанию, табуированию.

Демагогия этого рода оказывалась чрезвычайно важной и эффективной для поддержания социального порядка, подпитываемого социальной завистью и рессантиментом, продолжает быть таковой и в наше время. Дело не в том, что люди верили в подобные слова (хотя и это имело место), а в том, что посредством двоемыслия блокируется или разрушается система социальных таксономий и общество остается без конвенциональных средств анализа и понимания социальной реальности. Представления о господствующих группах лишаются знаковой определенности (что отражается в исключительно персоналистском восприятии системы господства), а значит, носители власти не воспринимаются как коллективные субъекты действия (в любом плане), а значит – к ним не могут применяться требования ответственности (моральной, социальной, правовой, политической и т.п.), что собственно и является одной из целей посттоталитарной технологии господства. В системе отношений господства «мы/они» «они» оказываются «невидимыми» или неуловимыми для «нас» (для низового коллективного «мы»), для массы; фиксация претензий возможна только применительно к персонам, выпадающим или исключенным из теневой сферы власти, как это происходило совсем недавно с Ю.М. Лужковым, и как происходит сейчас с другими высокопоставленными чиновниками и генералами, обвиненными властями в коррупции, злоупотреблениях «служебным положением» и во «внезапно» раскрывшихся правонарушениях.

Невыраженность социальной структуры российского общества есть производное от специфической недифференцированности социальных институтов (прежде всего – экономических и правовых), а значит, зависимости от власти судебной системы и, следовательно, необеспеченности, нелегитимности отношений собственности, отсутствия гарантированной стабильности условий ее аккумуляции, равно как и других социальных ресурсов, служащих стимулами социального морфогенезиса¹⁰. Инерция институциональных советских структур господства и подчинения, определяющих в свою очередь отношения собственности и авторитета, не позволяет выявлять субъективно значимые, социокультурные барьеры между статусами и группами, несмотря на сильнейшие разрывы в доходах между

¹⁰ Сильнейшая и прогрессирующая дифференциация доходов в этом плане не тождественна трансформации социальной структуры и системы стратификации.

властными и околовластными группами и низшими слоями населения. Можно сказать об этом и иначе: отсутствие сильных и значимых различий межслоевых или статусных различий, пограничных маркировок в отношениях между собой различных групп, располагающихся на лестнице социальных иерархий, вызвано политикой систематического подавления традиционных институтов, в том числе – закреплением невозможности накопления и передачи (наследования) групповых ресурсов – семейного имущества (прежде всего, сохранением состояния бедности основной массы населения, удержанием заработной платы и жизненно необходимых расходов на предельно низком уровне простого воспроизводства), возможности вести специфический образ (стиль) жизни, отражающий особенности культуры (безразлично – универсалистской или партикуляристской по своей сути) и т.п.

Многолетняя политика советских властей, направленная на достижение социальной однородности советского общества и тем самым уменьшения разрыва в официальной оплате труда между разными группами работников, привела к стиранию межгрупповых различий и консервации идеологических представлений о социальном составе общества, унификации массовых предпочтений и потребительских ориентаций (двух-трехкомнатная отдельная квартира для нуклеарной городской семьи, второй дом – «дачный домик на 6 сотках» или сельский дом родственников в деревне, и как верх желаний – «жигули»). Реальная имущественная или статусная стратификация, обеспеченная привилегиями номенклатуры различного уровня – распределение жилья, лечебные учреждения и закрытые санатории, продовольственные и промтоварные распределители, служебный выезд за границу и т.п., равно как и теневые доходы разного происхождения, оставалась (в силу понятных причин) вне публичной сферы внимания, вне социально-культурной маркировки, или, точнее, различия откладывались в структуре массового «двоемыслия», сохраняющего свою силу и в настоящее время. Полностью подавить внешние формы дифференциации (элементы демонстративного потребления¹¹) не удалось, поскольку дефицитная экономика создавала свои микросоциальные различия образов жизни, статусов и типов потребления, легко считаваемых социально дееспособными обывателями. Однако, что важно в логике нашего анализа, закрытые зоны потребления не могли социально воспроизводиться, т.е. они не закреплялись в виде традиционных и тем более сословных форм поведения, признаваемых легитимными большинством населения (это значит – они не передавались по наследству, не поддерживались и не закреплялись в особенностях семейных союзов, социальной селекции, социальных лифтах и каналах мобильности, средствах наследственных демаркациях и т.п.). Ослаблены были и такие социальные механизмы поддержания межгрупповых границ как мода или этничность, социальная принад-

¹¹ Демонстративное потребление – не есть признак прогрессирующей социальной дифференциации (хотя в будущем она вполне возможна), напротив, это указание на игровое (символическое) присвоение элементов или признаков сословного образа жизни (по принципу часть за целое) при невозможности ведения соответствующего образа жизни (стиля, культуры жизни). По существу, это демонстрация символов статуса, который предполагает определенную функцию, но без исполнения соответствующей деятельности. Поэтому демонстративное потребительское поведение не тождественно структурно-функциональной дифференциации общества или растущей автономизации социальных групп. Неотмеченность функции группы (или слоя), напротив, указывает на социальную стагнацию в системе стратификации или отсутствие социальных лифтов, механизмов признания достижения.

лежность к другим партикуляристским общностям – территориальным, конфессиональным (хотя последние в послереформенные годы вновь стали актуальными).

Положение отдельного индивида в советской экономике было предопределено тарифной сеткой зарплаты, социальных пособий и выплат. Различия были обусловлены либо негласными привилегиями и дополнительными благами, льготами, предоставляемых членам номенклатуры в соответствии с его рангом (а не заслугой или достижениями), либо участием в теневом секторе экономики, либо доходами от ЛПХ, либо влиянием неформальных или полуформальных структур перераспределения (производственных, родственно-семейных, блатных и прочих).

Последствия социальной однородности и политики уравниловки

Инерция директивной, планово-распределительной системы (и стерилизации возможностей накопления ресурсов и их передачи новому поколению) оказалась настолько сильной, что основная масса населения даже спустя 20 лет после начала реформ не обладает значительными ресурсами для изменения своего положения – у трех четвертей российских семей нет существенных накоплений, позволявших индивиду совершать социальные маневры или использовать каналы социальной мобильности. Сегодня свыше 70% населения живет от зарплаты (пенсии) до зарплаты (пенсии) во временном горизонте 3–6 месяцев существования. Этого явно недостаточно ни для инвестирования в новые формы занятости (поиск работы за пределами места проживания), ни в капитализацию собственного или семейного будущего (получения качественного образования, открытия собственного дела, приобретения акций и т.п.). В этих условиях до недавнего времени модельной группой для стратификации оказывались не характеристики западной концепции «среднего класса», а промышленные рабочие, выступавшие в качестве российского «среднего класса», т.е. той группой, чьи взгляды, оценки, мнения по разным аспектам собственной или общественной жизни, доходы, образование и тому подобные параметры существования оказывались действительно «средними», максимально приближенные к средним распределениям. Сегодня такой группой все чаще оказывается категория «служащих».

Изменения, отмечаемые в период 15–18 лет, прошедших после краха СССР, касались главным образом некоторого сокращения сельского населения и соответствующего увеличения удельного веса населения ПГТ и малых городов (перетекания в ближние города или пригородные зоны крупных городов), а также увеличения населения крупных городов и мегаполисов (с 27% до 29%).

Большая часть населения – около двух третей (точнее 62%) – живут в селе, ПГТ и малых городах (к ним мы относим города численностью до 250 тыс. жителей), образ жизни которых существенно или даже резко отличается от жизни населения больших городов и мегаполисов (не только по уровню доходов, но и по потребительскому поведению, стилю жизни, параметрам информационной среды, досуговому поведению, а значит, и по уровню запросов, культуры, политическим ориентациям и прочее). Социальная среда этой периферии, судя по данным

социологических опросов, образует зону хронической социальной депрессии, стагнации, характеризующаяся повышенным уровнем социальной аномии и патологии¹². Конечно, и она в свою очередь неоднородна, но по отношению к изменениям образа жизни в крупнейших городах это население отличается отсутствием жизненных перспектив, деградацией социальной инфраструктуры, сохранившейся от советских времен, очень высокой степенью зависимости от властей и, соответственно, доминирующими государственно-патерналистскими ориентациями и установками. Однако именно эти группы образуют основной электоральный ресурс партии власти, перевешивающий поддержку любых партий либерального толка.

Социальные изменения у населения средних и тем более крупных городов были гораздо более существенными, поскольку здесь менялась структура занятости и потребительского поведения населения. За это время удельный вес промышленных рабочих (а именно они составляли советский «средний класс» по всем определяющим параметрам – идеологическим, доходным, культурным и т.п., именно они образовывали социальную основу общества советской милитаризированной экономики) сократился практически вдвое, и одновременно, хотя и не совсем в той же пропорции, выросла численность сектора обслуживания (торговли, сервисного и информационного обеспечения и т.п.), представленного в первую очередь именно «там, где есть деньги», т.е. в зоне интенсивного обмена, рыночных отношений, изменения характера запросов и поведения. Именно здесь растет удельный вес чиновничества, административного персонала, численность полицейских и охранных структур, чей государственно-патриотический настрой стал весьма ощутим в 2000-е гг.

Низкая мобильность населения (примерно 52–54% всего населения постоянно живут в том же месте, где они родились) указывает на наличие сильнейших барьеров на пути развития рыночной экономики, прежде всего неразвитость рынка труда, жилья, а значит, на отсутствие ресурсов у огромной части населения для перемещения туда, где есть возможности работы, улучшения условий жизни, перспективы повышения ее качества.

Формирование «класса» предпринимателей (как и «свободных фермеров») идет крайне медленно; удельный вес этой категории населения по самым оптимистическим оценкам (и даже натяжкам) не превышает 4–7% взрослого населения¹³. Возможности для предпринимательской деятельности открываются преимущественно в среде крупных и крупнейших городов (где и складывается система новых интенсивных социальных взаимодействий). Периферия может выступать только в качестве поля приложения или ресурсной зоны для бизнеса, однако собственно рыночные отношения (пространство модернизации) складываются только при наличии определенного уровня дифференциации социальных институтов и развитости инфраструктуры, возникающей в высокоурбанизированных зонах.

Для огромного массива населения механизмы рыночных отношений не работают (или по-другому – это значит, что нет общенационального единого рынка

¹² К характеристике этой аномичной социальной среды [Зоркая 2003].

¹³ Это обстоятельство отметил в своей лекции на «Полит.ру» А.А. Аузан [Аузан 2010].

труда, капиталов и т.п.). Дело не просто в том, что столь значительные группы не располагают собственностью, если не считать условного владения (право распоряжения) своим жильем, дачей или приусадебным участком. Менее очевидные последствия заключаются в том, что при таком положении дел не возникают какие-либо более сложные формы социальности, чем те, что имеются в наличии сегодня: борьбы за коллективные цели или улучшение жизни, явления общественной солидарности, возможности долгосрочного планирования жизни, изменение правосудия, образования детей, даже возможности оптимизации работы медицинских учреждений, одно из самых приоритетных требований населения к государству.

Меняются лишь внешние формы организации и практика управления, но не само общество, основной массив обывателей которого (от 74% в 1999 г. до 50% в 2009 г.) живет с мыслью, что люди в ходе всех общественных пертурбаций последних 20 лет теряют нечто важное, не получая ничего взамен.

В результате в качестве главного дифференцирующего признака социальной стратификации остались характеристики социального отношения субъекта к власти, точнее – к закрытым системам номенклатурной иерархии¹⁴. Такой способ социальной стратификации обладает впечатляющей особенностью: во всех случаях маркируются лишь знаки нижней границы между слоями или группами, т.е. представителями статусно более высоких групп, акцентируется (защищается, подчеркивается, сохраняется) дистанция между вышестоящими в иерархическом плане группами и нижележащими слоями. Негативная дистанция по отношению к нижним слоям (негативная идентичность) обеспечивает сплоченность в закрытых группах, поддержание своей личности по отношению к другим. Монополия контроля на допуск или селекцию представителей других групп в такой системе принадлежит всегда статусно более высоким индивидам, а сам контроль всегда направлен сверху вниз (номенклатурно-бюрократический фильтр).

Сами по себе границы между стратами отмечены действием социальных механизмов, регулирующих допуск (кооптацию) представителей статусно низких групп в более высокие страты. Они устанавливаются и поддерживаются иерархически более высокими группами и не зависят от мнений или интересов следующих в иерархии слоев. Это означает, что здесь не работают механизмы социального признания достижений (механизмы конкуренции и авторитетности элит, основанных на признании результатов деятельности индивидов в качестве образцовых или авторитетных, которым следует подражать). Поскольку эти границы носят исключительно предписывающий, «внутренний» характер, то «извне», будь то «снизу» или с горизонтальных позиций, они не «видны», не прописаны и не отмечены¹⁵. Таким образом, мы получаем, по существу, структуру агломерации или

¹⁴ Н.Е. Тихонова подчеркивает, что именно отношение к власти является главным фактором социальной (классовой) дифференциации: «... Личностный и символический ресурсы в том наполнении, которое присутствовало в использованных массивах, оказались вообще незначимы для выделения групп, различающихся структурой их ресурсообеспеченности. Наибольшие же различия характеризовали показатели экономического и властного ресурсов, а также человеческого капитала [Тихонова 2008, с. 82].»

¹⁵ Примерами таких барьеров можно считать не только закрытые номенклатурные распределители, но и «закрытые показы» кинофильмов, и каналы распространения самиздата советского времени, и многое другое; сегодня же число таких закрытых зон и многообразие их типов кратко увеличилось, о чем свидетельствует проце-

множества иерархий закрытых сообществ, монополизировавших ресурсы социального продвижения, социальные лифты, механизмы вертикальной мобильности, т.е. структуру децентрализованного насилия, репрессивного и неправового, неуниверсалистского, дискриминационного, недостижительского общества¹⁶.

Для понимания системы стратификации в России невыраженность «высшего слоя» имеет принципиальное значение – его следствием становится гипертрофированное расползание «средних» слоев, фактически поглощающего любые деления по стратам или классам. Образ жизни привилегированных групп в советское (и в настоящее) время был окружен завесой таинственности, зависти, разного рода мифов и т.п. Отчасти поэтому он не мог (и не может в настоящее время) выступать в качестве модели или образцов для подражания более низких в иерархии слоев и групп. Но это лишь одна из причин того, что «высшие слои» в российском обществе не могут выступать в качестве референтного образца, воплощения высших ценностей, группы, носителей наиболее значимых функций, открывающей систему стратификации. Наличие подобных «заборов» или закрытых зон указывает на то, что социальная структура нынешнего российского общества не связана с представлениями о заслуге, достижениях или наградах. Сказать, что она культурно не размечена, было бы не столько неправильным, сколько не точным, потому что речь должна идти о хроническом ценностном разрыве и противоречиях, структурной закрепленной и институционализированной аномии. «Назначенные в качестве элиты» люди обладают привилегиями и возможностями доступа к ресурсам власти и распределения, однако их статус не подкреплен ни личным авторитетом, ни правовыми гарантиями, что делает туманными границы между разными социальными слоями и группами [Гудков, Дубин, Левада 2007].

Система авторитетности профессиональных занятий и система влияния, власти и собственности принципиально и необратимо разорвана. Высшие страты занимают люди, которые не пользуются уважением (что не отменяет покорности им и подчинения). Такие порядок и устройство нынешнего общества воспринимаются массовым сознанием (58% опрошенных) как несправедливое, не отвечающее представлениям основной массы населения о порядке, равенстве возможностей, а отношение к власти (державшей монополию на распределение благ и ресурсов) как сомнительное в социальном плане и нелегитимное или слабо легитимное (поскольку действует нейтрализующая привычка к несправедливости – «всегда так было и не нам под силу этот порядок изменить»). Наиболее уважаемые профессии – врачи, учителя, ученые, с одной стороны, представляют собой профессионально-слоевую социальную группу, которая воплощает в своей деятельности наивысшие ценности гуманности и репродукции социума, с другой стороны – крестьяне, рабочие, военные, – рутинные идеологические представления о модельных группах общества, с которыми идентифицируют себя относительное большинство населения (таблица 3).

тание охранных агентств, образующих по существу частные армии и полиции – общая численность сотрудников этих служб составляет, по разным оценкам и источникам, от 450 до 600 тысяч человек.

¹⁶ Огромный резонанс в обществе, который вызвали события в станице Кушевка (8-й ранг по значимости в списке важнейших событий 2010 г.), был связан с тем, что они были восприняты как уменьшенная модель организации власти в стране. 20% опрошенных заявили тогда, что подобные же явления имели место там, где они живут.

Таблица 3. Представителей каких профессий Вы более всего уважаете, а каких – не уважаете?

	Уважают	Не уважают	Баланс
Врачи	55	8	47
Школьные учителя	48	4	44
Ученые	44	1	43
Крестьяне	44	2	42
Рабочие промышленности, строительства, транспорта	40	0,7	39
Военные	39	5	34
Творческая интеллигенция (писатели, поэты, художники, композиторы)	24	3	21
Преподаватели вузов	21	3	18
Артисты театра и кино	20	9	11
Священники	18	4	14
Бухгалтера, экономисты	15	5	10
Предприниматели, бизнесмены	13	11	2
Журналисты	9	14	-5
Звезды эстрады	9	24	-15
Работники сферы обслуживания	8	7	1
Полицейские	8	29	-21
Работники торговли	7	12	-5
Работники прокуратуры	6	16	-10
Судьи	6	17	-11
Офисные работники	4	7	-3
Политики, депутаты	3	35	-32
Работники шоу-бизнеса	3	28	-25
Государственные служащие/чиновники	3	28	-25
Затрудняюсь ответить	7	18	-11

В % к числу опрошенных. N=1600 сентябрь 2012; ранжировано по позиции «уважают».

Речь в данном случае идет не о тривиальном характере пирамиды престижности профессий, а о признании «ненормальности» социального порядка, перевернутости морального авторитета носителей важнейших социальных ролей и действующего распределения власти и собственности, главных ресурсов стратификации в России. Оси уважения и влияния в обществе оказываются разнонаправленными, что, собственно, порождает чувство несправедливости социального порядка и условия состояния хронической аномии, асимметрии ценностных порядков. Те, кто обладают наибольшим потенциалом власти и собственности, рассма-

триваются в обществе как сомнительные в моральном и легитимном плане, как наиболее коррумпированные группы (хотя в их легальном статусе сомнений не возникает); это – политическая элита и высшее руководство, бюрократия, суд и правоохранительные органы власти (с ними сопоставимы лишь социальные маргиналы – звезды шоу-бизнеса, вызывающие подобное двусмысленное отвлечение у основной массы населения). Напротив, наиболее ценимые профессии (в моральном и человеческом плане) оказываются депремированными в экономическом и социальном плане (врачи, учителя, ученые) как и весь «низший класс» работников физического труда, с которым идентифицируют себя значительная часть опрошенных. С этим же обстоятельством, видимо, связано и нарастающее массовое чувство несправедливости общественного устройства или социального порядка (в 2000 г. на фоне только что закончившегося экономического кризиса о том, что «справедливости в обществе стало меньше», заявляли 68%, в 2010 г. – на фоне другого кризиса – 74%, в 2011 г. – 76%). То же можно сказать и о массовом сознании незащищенности и правовом «бесприделе», проявляемом властями на разных уровнях («законности в обществе стало меньше» в 2000 г. отметили 59%, в 2010 г. – 68%, в 2011 г. – 72%)¹⁷. Отметим также, что сомнительный статус «высшего слоя» проявляется среди прочего в отказе идентифицироваться с ним и принимать ответственность за их действия¹⁸.

Все сказанное выше заставляет нас признать, что в лучшем случае более или менее уверенно можно говорить лишь об эрозии прежних морфологических таксономий, предполагающих отношение к единому и тотальному работодателю и хозяину жизни всех поданных – государству, и, соответственно, об осознании неадекватности для настоящего времени прежних категорий номенклатуры, бюрократии, служащих, рабочих разной квалификации, крестьянства и его категорий. Растущая социальная дифференциация доходов населения не ведет к заметному изменению морфологии общества, поскольку рост благосостояния у верхних 20% населения связан не с процессами роста эффективности экономики, а обусловлен характером перераспределения, возможностями получения административной ренты, т.е. последствиями обращения властных ресурсов в условную собственность (держанием бывшей госсобственности или ее распоряжением), а значит – близостью к власти, занятием влиятельных позиций социальных групп в социальной иерархии. Речь идет не только о гигантских госкорпорациях, образованных в последние годы (они лишь наиболее яркий пример высказанных суждений), а о положении околоставных и экономически влиятельных групп¹⁹. Благосостояние наиболее обеспеченных групп (и материальные интересы) в меньшей степени зависит от успешности ведения бизнеса, степени инноваций, производительности труда или оптимизации управления или изменения в мотивации труда, чем от связей с администрациями разного уровня. Именно это обстоятельство – отсутствие общественного признания приобретаемой собственности, а значит, и «роскошного» или демонстративно-

¹⁷ Общественное мнение-2011. Ежегодник Левада-Центра, 2011, с. 29. То же респонденты утверждают в отношении солидарности и доверия между людьми на фоне роста «свободы» и отказа от ответственности.

¹⁸ Там же, таблицы 3.5.4 и 3.5.5; 3.6.2; 3.7.5 и 3.7.11, 3.7.18 (на с. 30–31, 33, 38–39, 41–42).

¹⁹ Их сотрудников, впрочем, наши ученые раз за разом включают в состав российского «среднего класса».

го потребления, специфического «нуворишского» образа жизни – заставляет значительную часть населения отказываться им в легитимности их статуса. Массовой реакцией на эти усиливающиеся разрывы между доходными группами оказываются рост социальной зависти и чувство несправедливости социального порядка, а не институционализация и одобрение новой социальной структуры общества. Этому соответствует и более значимый разрыв динамики развития центра и периферии, что осознается гораздо реже. По существу, мы имеем дело с явлениями стагнации или, скорее, даже с замораживанием состояния деградации провинции и феноменами динамического развития центра (мегаполисов и крупных городов).

«Догоняющая модернизация» в постсоветском варианте характеризуется двумя противоположными тенденциями: быстрым освоением самых примитивных и распространенных на Западе форм массовой культуры и потребления (в меньшей степени – технологии, коммуникаций, еще в более меньшей – финансово-кредитных отношений), идущим в отдельных сегментах общества, с одной стороны, и инволюцией или дегенерацией прежних или вновь возникающих более сложных форм социальной жизни (фундаментальной науки, культуры), с другой. Потребительский бум (захватывающий в 2003–2007 гг. примерно 25–27% населения) шел одновременно с сокращением состава самых высших категорий прежней советской интеллигенции (занятых в науке, в инновационном секторе промышленности и проектно-конструкторских разработок) в силу отсутствия финансирования, утечки мозгов и прочих причин и ростом спроса на виды трудовой деятельности, не требующей высокой профессиональной подготовки (провоцируя в том числе отток работников из промышленности в сферу строительства и торговли). Но эти подвижки социального состава плохо осознаются в обществе (хотя ощущение каких-то больших перемен, имевших место в последние 20 лет и характерное для 1990-х гг., у большинства опрошенных россиян не исчезает). В 2000-е гг. (в отличие от первой половины 1990-х гг.) процесс возникновения и кристаллизации новых социальных форм и образов жизни затормозился или даже прекратился. Тем не менее в какой-то мере риторика модернизации и идеологема «среднего класса» околоремлевских технологов, публицистов, академических ученых стали проникать в среду образованных и более благополучных горожан, стимулируя принятия в качестве собственного самоопределения понятие «среднего класса» [Левинсон, Стучевская, Щукин 2004; Левинсон 2008].

Парадокс российской имитации «среднего класса» заключается в том, что основу подобной проекции западных понятий о «среднем классе» на российскую действительность составляют не ценностные значения, этика или социальные идеалы и политические и гражданские убеждения, а представления о нормах потребительского поведения, полученные главным образом из СМИ. Молодые горожане ведут себя как представители «среднего класса», не имея какого-либо представления о «социальном верхе» (но отталкиваясь от социального «низа», не желая быть «совком»), руководствуясь аморфными представлениями о том, что должно иметь или как вести себя в ситуациях, требующих символических средств демонстрации своего статуса, заимствуемого из каналов массовой культуры, которая, вообще-то говоря, работает как механизм усреднения и массовизации, а не дифференциации образцов группового (слоевого, классового) поведения и сознания.

В результате сочетания многих перечисленных факторов в обществе воспроизводятся только самые минимальные или незначительные социальные различия между группами и слоями, поэтому они и появляются, и закрепляются только на низовом уровне (семья и самый примитивной образ жизни), а более сложные социальные формы социальной дифференциации и стратификации не возникают или не передаются, потому что для них нет соответствующих, легитимирующих их культурных смыслов.

«Аборт» «среднего класса»

Для проверки гипотезы о том, что более успешные в социальном плане группы, обладающие наиболее выраженными социальными ресурсами (образованием, компетентностью, культурным капиталом, социальностью, связями и т.п.), в наибольшей степени испытывают дефицит институциональных гарантий существования и выталкиваются в эмиграцию, мы провели несколько серий социологических замеров, включающих опросы населения России (по репрезентативной общероссийской выборке) и два опроса (в 2008 и 2011 гг.) наиболее успешных групп относительно молодых россиян (до 40 лет) с высокими доходами, произведенные по направленной выборке²⁰.

Проблема «среднего класса» заключается не только в аморфности его концептуального определения, но и в субъективной неопределенности границ этого «класса». Нет сомнения в том, что эта категория заимствована из сетки операциональных понятий социальной структуры обществ, завершивших процессы модернизации (ведущие европейские страны, в первую очередь – скандинавские, а также Франция, Германия, Великобритания, Нидерланды; и США, Япония, Австралия и др.), т.е. закончившие переход от структуры закрытого сословного социума к открытому обществу с динамичной рыночной экономикой, к правовому государству, ограниченному рамками закона и разделением властей с институтами представительской демократии и т.п. Но под признаки подобного «среднего класса» в России подпадает явное меньшинство населения (можно спорить о том, какая именно – 5–7% или 20%, 30% и более), другими словами – явное меньшинство, а никак не многочисленная «середина». В результате этого такое понятие «среднего класса» приобретает явно абсурдный смысл, либо очевидным образом строится на искусственных натяжках или идеологических подменах. Сторонники идеи наличия (или быстрого формирования и роста) в России близкого аналога западного «среднего класса» отождествляют формирование и заметный рост «потребительского общества» (явление небывалое в истории России) со «средним классом», имеющем другие культурные и институциональные компоненты – ценностные, идеологические, правовые, этические, другой тип самосознания и струк-

²⁰ Опрос проходил в 10 городах, в обоих случаях отпирались молодые горожане, имеющие высшее образование и статус не ниже специалистов, с высоким душевым доходом в семье (в опросе 2011 г. – в Москве не менее 2000 евро; в Санкт-Петербурге – 1500 евро, в других городах – не ниже 800 евро).

туру интересов. Последнее обстоятельство – принципиально важное, поскольку в отечественных описаниях в категории «среднего класса» оказывается непропорционально большое число госслужащих (чиновников, работников госпредприятий и организаций), т.е. государственно зависимых, патерналистски ориентированных людей, не готовых рассматривать себя и свои взгляды как доминантную систему ценностей, значимых для всех остальных, как выразителей интересов «общества», а не государства, приватизированного той или иной властной или бюрократической кликой.

Кроме того (что мало обсуждается в российских академических кругах), нельзя выстраивать концепцию «среднего класса», как бы идеологически не была нагружена эта конструкция, без соотнесенных с ним «высших» и «низших» классов и слоев, которые оказываются не менее проблематичными и концептуально не оформленными, чем сама базовая категория «среднего». В первую очередь, это касается слабой (социально-культурной) легитимности (полулегитимности или даже нелегитимности) «высших слоев» или статуса «элит» в российском обществе, чье положение основано на узурпации власти, сомнительном праве на монополию легального насилия и злоупотреблении средствами принуждения, темной и вызывающей подозрения у большинства населения истории происхождения собственности (особенно крупной), присвоенной «верхами» и бюрократией, коррупции и прочих обстоятельствах, определяющих отчужденное отношение к «элитам» в массовом сознании. Вопрос – можно ли считать российскую бюрократию «классом» в марксистском или неосеверянском его понимании – остается открытым и непроясненным. Но так или иначе возможность субъективной идентификации с рутинной советской бюрократической иерархией для населения кажется несколько более легкой, отчетливой и понятной, чем с собственно формально стратификационной сеткой.

В российских условиях категория «среднего класса» носит, скорее, *проективный*, а также отчасти *фазовый* характер: проективный, поскольку получаемая нами таким образом совокупность молодых обеспеченных людей представляет лишь незначительную часть населения страны, порядка 3–4%, и по принятому в социальных науках определению «среднего класса» как наиболее многочисленной группы населения (работников, потребителей, избирателей) не может быть рассмотрена в этом «классическом» смысле; фазовый – поскольку концентрация людей, отвечающих приведенным общим характеристикам, максимальна именно среди молодых поколений, уже работающих «на себя» и еще не обремененных в полной мере заботой о поколении родителей, которые в значительной массе продолжают работать и после достижения пенсионного возраста.

Малочисленность данного слоя в России чрезвычайно показательна и важна для диагноза социально-структурных изменений общества, процессов его дифференциации. Одно из важнейших социальных, экономических и политических противоречий такой сохраняющейся фантомности «среднего класса» заключается в том, что это социальное множество людей (с трудом воспринимающих себя в качестве «слоя»), более информированных и адаптированных, высококвалифицированных и образованных, по крайней мере, относительно других групп населения, а также (что очень важно) социабельных, общительных, имеющих достаточно

весомый опыт контактов (в том числе – деловых, с внешним западным миром), обеспечивая чуть ли не треть внутреннего потребления, не имеет при этом политического (в демократическом смысле слова) веса и влияния в обществе, поскольку этот «класс» чрезвычайно малочислен, оторван от остальной, большей части населения и дистанцируется от этого большинства [Белановский, Дмитриев, Мисихина, Омельчук 2012; Дмитриев, Белановский 2012].

Малочисленность этого слоя, а также его концентрация в «молодых поколениях» – важнейший фактор торможения и постоянных срывов попыток модернизировать страну в постсоветский период, при этом отсутствие ощутимого роста этого слоя за минувшие два десятилетия или хронически «зародышевое» состояние «среднего класса» в России являются ярким свидетельством блокирования процессов модернизации, инновационного развития страны и общества на всех уровнях, от внешней и внутренней политики до экономики, сферы культуры и публичности. Имитационность этого слоя по отношению к «среднему классу» развитых западных стран выражается в усвоении и демонстрации наиболее броских внешних признаков новых для России социальных, культурных, экономических форм поведения без институционального (в первую очередь, правового) их закрепления и воспроизводства, соответственно, без современного развития общества, которое может осуществляться лишь через процессы функциональной дифференциации социума.

За этим стоит огромный, воспроизводящийся и углубляющийся разрыв социальных возможностей, шансов, в том числе – потребительских способностей центра и периферии. Группы с высокими (скорее, «нормальными» по западным меркам) стандартами и запросами потребления товаров и услуг самого разного профиля (включая качественное образование, медицинское обслуживание, страхование и т.п.) концентрируются исключительно в столицах (прежде всего, в Москве) и в крупнейших промышленно развитых или связанных с сырьевыми ресурсами городах, отраслях экономики. Молодость этих групп указывает на своего рода «аскриптивное неравенство», предписанное самой структурой социума. Стартовые возможности молодых горожан, соответственно, их статусные, карьерные, материальные ожидания и притязания, ресурсы для адаптации и мобильности по определению выше и разнообразнее, чем в зрелых поколениях. Как ни парадоксально, у молодых людей в России больше жизненных и социальных ресурсов, чем у старших: молодежь (хотя бы формально, не говорим сейчас о качестве подготовки) более образована, подвижна, быстрее включается в мир новых экономических отношений и технологий, быстрее обучается и переучивается, гораздо плотнее связана внутрипоколенческими взаимоотношениями, которые также представляют значимый ресурс, который развит слабее у старших и пожилых людей, старающихся поддерживать лишь самые близкие родственные связи.

Преимущества возраста и отсутствие социально-исторического опыта (как и вообще ценность всего «природного», а не «искусственного», сделанного, включая энергетическое сырье в сегодняшней России) оказываются важнее, результативнее, чем накопленный социальный капитал доверия, квалификации, статуса, опыта, заслуги и прочее, которыми в современных развитых обществах облада-

ют именно *старшие* поколения граждан. А это значит, что российский социум – не достижительское общество (вопреки тому, что утверждается в поверхностных международных сравнительных исследованиях ценностей): преобладающая у большинства россиян ориентация на привыкание, социальную мимикрию, а не на достижение, изменение, улучшение ведет к тому, что даже имеющийся успех тех или иных небольших групп (меньшинств) не получает широкого признания, не закрепляется в структуре общества. Он негативно оценивается большинством, а потому не воспроизводится как более высокий уровень стартовых возможностей и перспектив *для всех*.

Кроме того, отметим и такой факт: в силу принципиального устройства социума и сложившихся экономических, социальных особенностей рынка занятости в России люди, условно говоря, от 25 до 35, а иногда и до 40 лет, еще получают от старших поддержку разного рода, включая материальную в виде жилья (совместного проживания с родителями), оплаты образования, помощи в воспитании детей (из-за неразвитости сети детских учреждений), ведении домашнего хозяйства. Причем это не только вынужденное поведение, но и, судя по данным опросов, рассматривается как предпочтительная модель отношений со старшими [Зоркая 2008]. Другими словами, благодаря поддержке старших (среди которых доля бедных, отметим, особенно велика), молодые люди (особенно в больших и средних городах) оказываются в привилегированном положении, не имея для этого ни особых на то заслуг или прав. Они находятся в активной фазе строительства собственной жизни, сконцентрированы на профессиональной карьере или продвижении по социальной лестнице, на собственном материальном благополучии – ситуация «гарантированной» бедности в старости, как у большинства старших, для них пока далека и не реальна. И, возможно, именно потому, что эти проблемы собственного будущего так или иначе все же осознаются ими, по крайней мере, наиболее активной и амбициозной их частью, установка на эмиграцию в данной среде столь распространена и устойчива.

К портрету молодежи российского «среднего класса»

Значительная часть опрошенных обладает высоким социальным статусом: по данным 2011 г., 15% имеют собственный бизнес, 12% являются руководителями высшего звена в различных фирмах или организациях. Свыше одной пятой опрошенного контингента (22%) представляют менеджмент среднего звена, а относительное большинство – это специалисты без руководящих функций (44%). Подавляющее и стабильное большинство отобранных респондентов (77%) работают в частных компаниях, столь же стабильна доля опрошенных, занятых в госкомпаниях (14%), а также в структурах государственного управления (*рисунки 2,3; таблицы 4, 5*).

Подавляющее большинство опрошенных имеют высшее образование (83%). Почти у каждого десятого (8%) есть послевузовское или второе образование, а менее одной десятой не имеют законченного высшего образования, хотя по возрасту уже должны были бы его иметь.

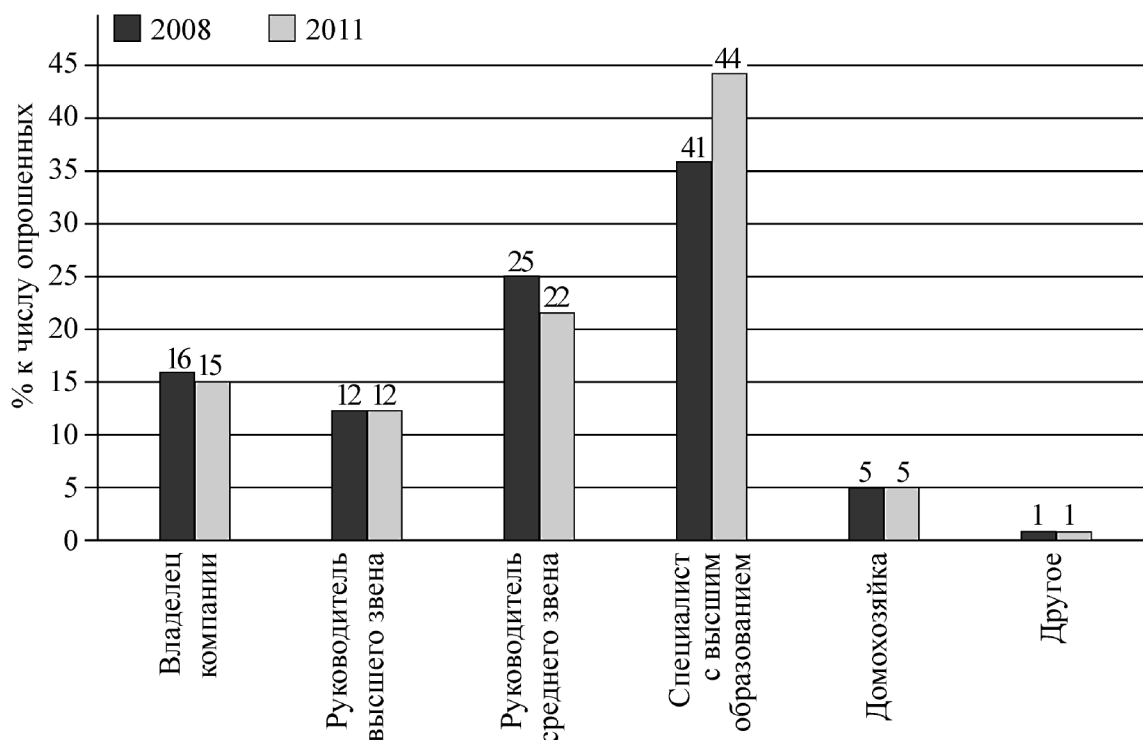

Рисунок 2. Род занятий

Таблица 4. Социально-демографические характеристики и род занятий респондента
(в % к соответствующей группе опрошенных)

Род занятий	Всего	Пол		Возраст			Образование		
		Мужской	Женский	24–29	30–34	35–39	Незавершенное высшее	Высшее	Послевузовское, второе
Владелец компании, собственного бизнеса	15	20	11	11	15	21	14	15	21
Руководитель высшего звена	12	17	8	7	12	19	7	12	26
Руководитель среднего звена	22	25	19	19	25	22	28	22	18
Специалист с высшим образованием (без руководящих функций)	44	37	51	58	42	31	37	46	34
Домохозяйка	5	0	10	6	4	6	9	5	1

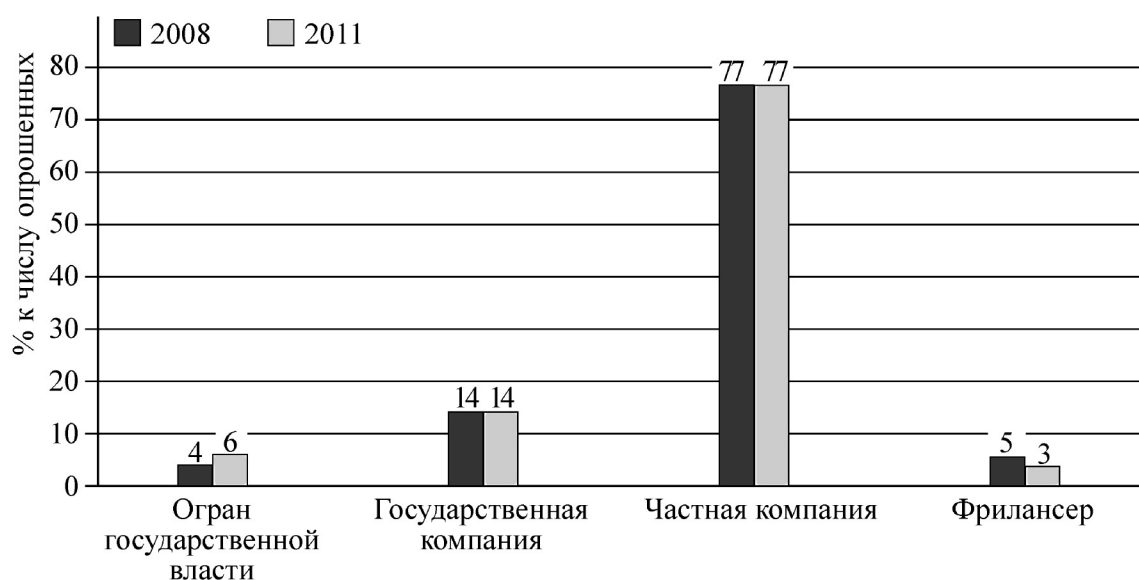

Рисунок 3. Сектор занятости респондента

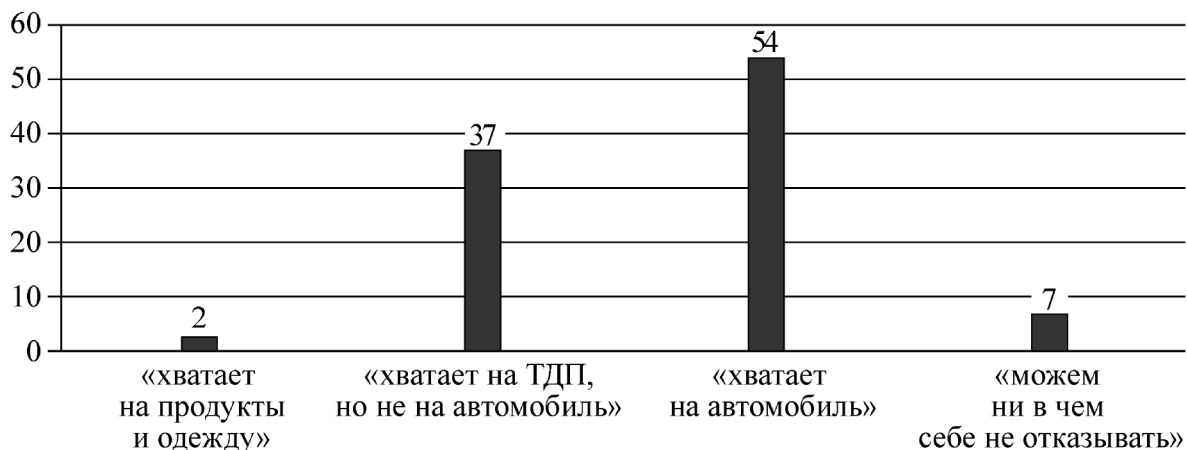
Таблица 5. Сектор занятости и должностной статус высокодоходной молодежи крупных городов (в % по столбцу)

Род занятий	Всего	В органах государственной власти	В государственной компании	В частной компании	Фрилансер, свободная профессия
Владелец компании, собственного бизнеса	15	–	–	19	19
Руководитель высшего звена	12	33	11	11	6
Руководитель среднего звена	22	14	24	23	9
Специалист с высшим образованием (без руководящих функций)	44	48	61	40	50
Домохозяйка	5	5	3	5	16

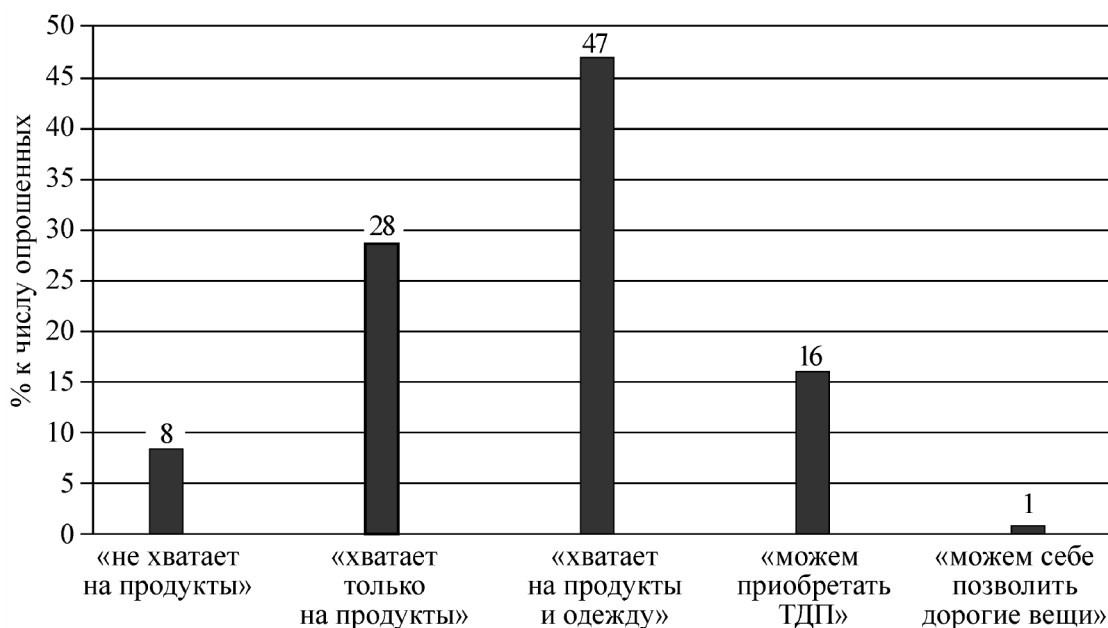
Исследуемый слой имеет основательный семейный бэкграунд, значительные культурные ресурсы: более чем у половины из них родители получили высшее образование, свыше 70% из опрошенных – потомственные жители крупнейших городов. Последнее обстоятельство особенно важно в плане аккумуляции символических и культурных ресурсов для устойчивого воспроизводства социального положения, т.е. формирования социоморфных механизмов, закрепления и передачи социальных форм, соединения собственности и символической разметки социального пространства.

Если среди взрослого населения России почти половине опрошенных, по их оценкам, хватает денег только на продукты и одежду, то среди молодежи «среднего

класса» подавляющее большинство (54%) могут себе позволить ТДП и автомобиль, а 7% вообще не чувствуют себя стесненными в потреблении (рисунки 4). Эти данные согласуются с опросом того же слоя в 2008 г. Тогда 60% опрошенных отнесли себя к средней части «среднего слоя», лишь 2% – к «высшему», 20% – к «верхнему среднему слою», а чаще, чем каждый десятый, респонденты относили себя к «нижнему среднему слою». Подобное распределение очень близко к оценкам всего населения.

**Рисунок 4. Потребительский статус
(«К какой группе населения Вы могли бы себя отнести? Денег...»
(в % от опрошенных представителей «среднего класса»))**

**Рисунок 5. «К какой группе населения Вы могли бы себя отнести? Денег...»
(репрезентативный опрос населения, N=1600)**

Близость «слоевой» идентификации при большом разрыве в уровнях доходов и социального положения тех групп, на которые ориентируется «средний класс», и тех, на кого ориентируется большинство населения, говорит о том, что в высокодоходной части общества сохраняется та же структура социально-статусных самооценок: как бы ни был «богат» относительно остальных российский «средний класс», он все равно чувствует себя довольно бедным. А это значит, что в обществе не работают различные механизмы социального признания, с одной стороны, а с другой – самые обеспеченные никак не соотносят свою, пусть относительную обеспеченность с бедностью остальных²¹.

Описываемый нами слой, несмотря на свою относительную молодость, весьма обеспечен: 58% опрошенных имеют благоустроенные загородные дома со всеми удобствами; недавно купленные автомобили иностранного производства; большинство проводило отпуск на зарубежных (включая и Ближнее Зарубежье) курортах, причем почти половина – 44% всех опрошенных – делали это по крайней мере один раз в год, что, конечно, совершенно не доступно основной массе россиян.

По данным 2011 г., 86% опрошенных молодых и успешных горожан уже бывали за границей (за пределами СНГ). По целям поездок на первом месте стоит отдых, туризм (в среднем 71%), затем с большим отрывом – деловые поездки (16%), поездки в гости к знакомым, родственникам (15%). На учебу и стажировку выезжало лишь 3% и 4% соответственно, столько же – на работу (4%).

У москвичей более широкие контакты за рубежом; наиболее сильны различия между столичными жителями и населением других городов по доле вообще не владеющих иностранными языками, а также по доле тех, кто свободно может читать по-английски.

Таким образом, перед нами люди успешные, обеспеченные, предприимчивые, энергичные, мобильные и амбициозные. Даже в среднем потолок их запросов весьма высок: они ориентированы на стандарты жизни, соответствующие среднедушевому доходу в 8–10 тысяч долларов в месяц, т.е. весьма высокому и по меркам развитых западных стран. Большинство считает себя вполне состоявшимися людьми, удачливыми в жизни, они вполне довольны собой. Их никак нельзя причислить к аутсайдерам: 52% опрошенных спокойно и с уверенностью смотрят на *свое собственное будущее*, однако 40% – с тревогой, но на *будущее России* спокойно, с уверенностью смотрит только 40% (с тревогой – 47%, рисунок 7). Почти каждый пятый (19%) может планировать свое будущее в стратегическом плане на много лет вперед или на пять лет и более (рисунок 6), а в данных по населению России таких людей, по данным опроса в 2009 г., лишь 4%.

У большинства москвичей оценки будущего России звучат гораздо тревожнее и скептически.

²¹ Характерно, что в благополучной Москве респонденты оценивают свой потребительский статус ниже, чем в других городах: так, самых богатых здесь лишь 3%, тогда как в остальных городах – около 9% (впрочем, и относительно бедных, тех, кто не может себе позволить покупку автомобиля, здесь несколько больше). Речь идет об ориентации москвичей на самые обеспеченные или более влиятельные группы, тогда как в провинции самооценки статуса скорее ориентированы на менее высокостатусные и влиятельные группы «своих», на тех, кто «ближе».

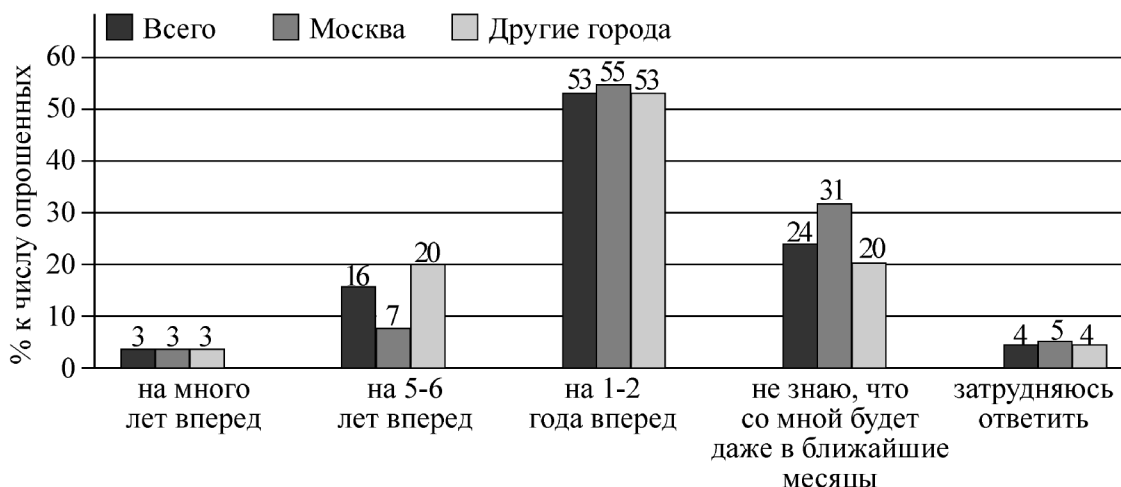

Рисунок 6. На сколько лет вперед Вы можете планировать свое будущее?

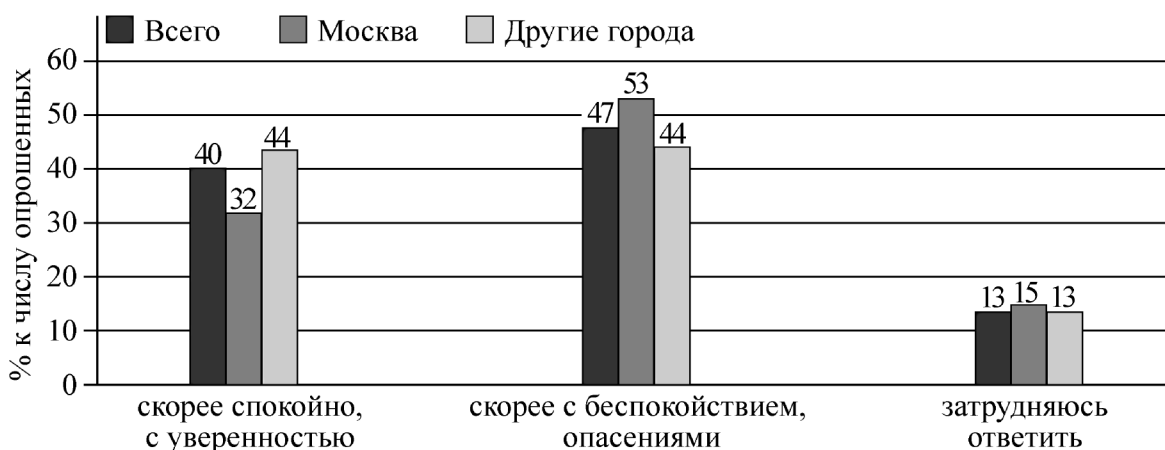

Рисунок 7. С какими чувствами Вы смотрите на будущее России?

Добавим, что опрошенный контингент – люди достаточно осведомленные и вполне критичные; они хорошо информированы, постоянно следят за текущими событиями; большинство из них используют самые разнообразные каналы информации. Для 37% второй после российского ТВ значимый канал – отечественный интернет, 16% используют зарубежные интернет-источники, а также зарубежные СМИ (телевидение, радио, печать). Это группа, значимая по месту, которое она занимает в обществе, перспективная в смысле социального роста и, наконец, компетентная в своих мнениях и оценках.

Политические установки молодежи и ее оценки политической ситуации. Отличия данного слоя от населения в целом заметны, прежде всего, по оценке

политической ситуации в стране: эти респонденты весьма и весьма скептически настроены по отношению к нынешнему режиму. Особенно этим отличаются москвичи, тогда как жители «провинции» ближе к общероссийским настроениям и оценкам (рисунки 8).

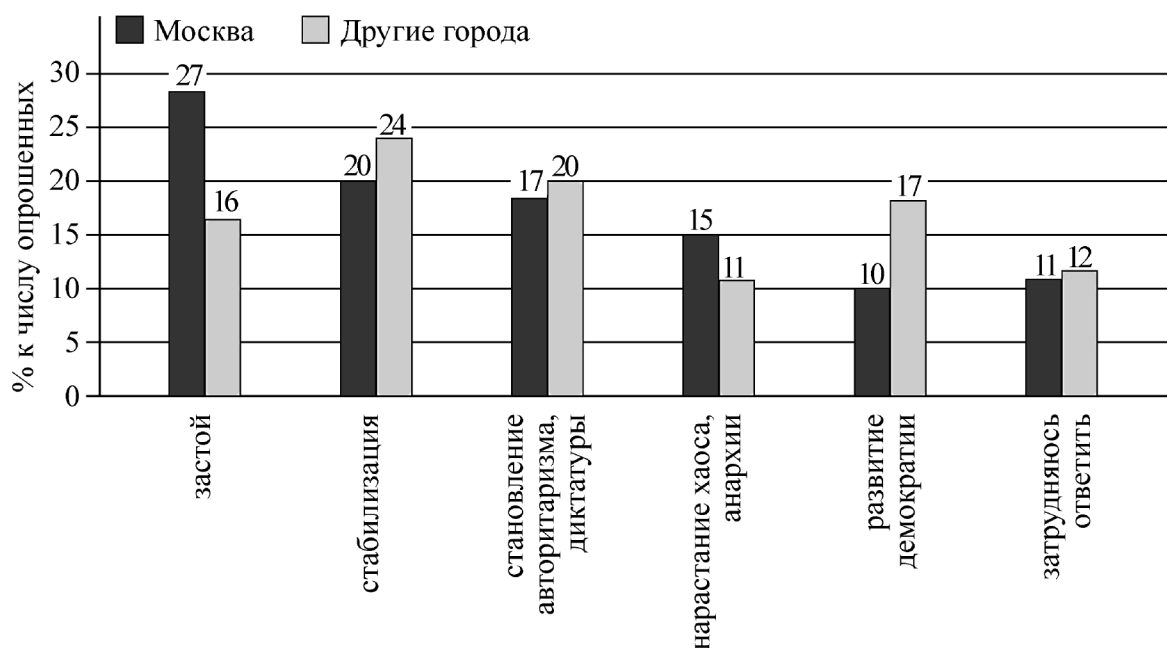

Рисунок 8. В каком направлении развивается политическая жизнь России? (ответы ранжированы по Москве)

Доля негативных оценок политической жизни очень значительна: в среднем соотношение положительных и отрицательных оценок составляет среди опрошенных 38 к 50 (0,76), а среди москвичей – даже 30 к 59 (1 к 2).

В приведенных оценках политического режима В.В. Путина явно прочитываются характеристики сложившегося порядка как «застоя», отмечается нарастание авторитаризма и вместе с тем безвластия в стране – с точки зрения большей части наших респондентов, налицо кризис всей системы государственного управления (рисунки 9). При этом преобладающая часть опрошенных (56%) считает, что сложившаяся к настоящему времени политическая система в России установилась надолго и в ближайшие годы едва ли может существенно меняться. Только около половины той части опрошенных, которые считают, что «путинизм – это надолго», позитивно расценивают нынешний политический порядок, полагая, что речь идет об устойчивом и последовательном развитии страны в сторону демократии (чаще это провинциальные горожане). Почти столько же называют это положение «застоем» (чаще других – респонденты с послевузовским образованием), «становлением диктатуры», «авторитаризмом» (чаще других – владельцы собственного

бизнеса) или полагают, что оно таит в себе угрозу нарастающего хаоса и анархии (чаще других – опрошенные с послевузовским образованием).

Это заставляет говорить об усиливающейся с годами тревожности, чувстве бесперспективности или безнадежности как раз наиболее продвинутых, обеспеченных групп, которые и выражаются в росте «чемоданных» настроений. Представители «провинциальных» городов чаще считают, что нынешняя ситуация неустойчива и в ближайшие несколько лет может существенно измениться. Среди них намного чаще высказываются мнения о том, что причины предполагаемой нестабильности в ближайшем будущем связаны с падающей эффективностью централизованного управления, накоплением отрицательных последствий политики нынешних хозяев страны, их неспособностью решать социальные и экономические проблемы.

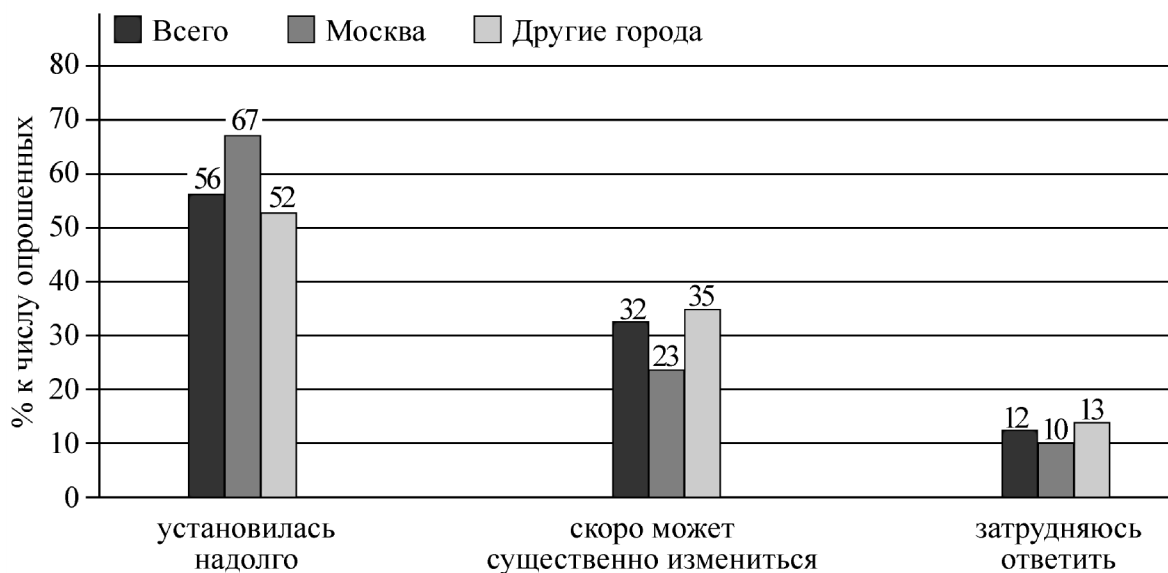

Рисунок 9. Сложившаяся в России политическая система установилась надолго или в ближайшее время может существенно измениться?

Особенность описываемого социального слоя заключается в том, что наши респонденты ориентированы на определенный образ жизни или способ ее ведения, распоряжения ею, который, как они считают, обеспечен, прежде всего, их собственными усилиями, интеллектом, эффективным трудом, а не благодеяниями правительства. От власти они (в отличие от основной массы российского населения) не ждут ни помощи, ни льгот, ни гарантий уровня жизни или рабочих мест, жилья и прочих распределяемых начальством достаточно скудных благ. Собственное благополучие они в состоянии обеспечить себе сами, если только им не мешать. Но они очень сомневаются в том, что путинское-медведевское правление, узурпировавшее власть в стране, будет эффективно справляться с общими проблемами, которые оно обязалось решать в соответствии с Конституцией. Данный

класс людей ясно понимает связь между авторитарной политической системой и неэффективностью управления, между вытеснением политики как сферы открытой конкуренции за общественное признание и социальной недееспособностью бюрократии, бессилием нынешнего руководства страны добиться устойчивого развития страны и клановыми интересами окол властных групп. В этом плане весьма показательным распределением данных о наиболее острых проблемах, тревожащих респондентов.

Поддержка партий. Уровень поддержки кремлевских партий в описываемой среде заметно ниже, чем в среднем у населения России. Сказывается слабость административного ресурса и ограниченность возможностей давления на эту группу «сверху». «Единой России» симпатизируют лишь 31% опрошенных, что как минимум на одну пятую меньше общероссийских показателей; массив этой категории опрошенных сдвинут от центра к периферии: в Москве показатель поддержки партии власти составляет около 20%, тогда как в других городах – более трети опрошенных. Оставшиеся респонденты делят свои симпатии между Жириновским (7%), «Справедливой Россией» (4%) и КПРФ (3%) – минимум поддержки, естественно, учитывая возрастную, образовательный и доходный состав наших опрошенных.

Сторонники «демократических» или либеральных партий («Яблоко», «За Россию без произвола и коррупции», «зеленые» и др.), как и объединения противоположного крыла («Патриоты России», «ДПНИ»), набирают от 2% до 0,5–0,3%; эти партии не рассматриваются нашими опрошенными как серьезные оппоненты власти, а потому и не заслуживают поддержки. Именно по этой причине для представителей данного слоя нет серьезной альтернативы действующему режиму, что, собственно, и окрашивает политические воззрения изученных нами молодых россиян в тона умеренного пессимизма.

Членом какой-либо партии называет себя всего 1% опрошенных (в основном – это электорат «Единой России», т.е. чиновники и сотрудники госпредприятий). В большинстве случаев политическая заинтересованность опрошенных носит пассивный характер и сводится к просмотру новостей (39%) и их обсуждению с друзьями и коллегами (35%). Политически ангажированная публика или респонденты, занятые общественной деятельностью, образующие преимущественно лагерь оппонентов нынешней власти (удельный вес таких респондентов в выборке не превышает 3–5%), участвуют в дискуссиях на острые темы, в политических демонстрациях и митингах, собраниях, интернет-акциях, подписывают разного рода обращения или коллективные заявления, обсуждают новости в интернете (в блогах, в комментариях и т.п.).

Поскольку видов на иные, свободные и альтернативные выборы президента практически нет, то такая ситуация значительным образом подпитывает эмиграционные настроения наших опрошенных, причем в большей степени именно наиболее благополучных (если сравнивать с остальной страной) москвичей.

Установки на эмиграцию или «чемоданные» настроения? От трети до почти половины опрошенных хотели бы уехать за границу на длительный срок (таблица 6).

Таблица 6. Хотели бы Вы поехать за границу?

	Определенно да + скорее да	Определенно нет + скорее нет	Затруднились с ответом
На работу	46	51	3
На учебу	37	59	4
На постоянное место жительства	31	65	4

Май 2011; N=1001, в % к числу опрошенных (100% по строке).

Расхождения этих установок среди москвичей и жителей других городов весьма значительны, в том числе в желании уехать за рубеж жить (рисунком 10).

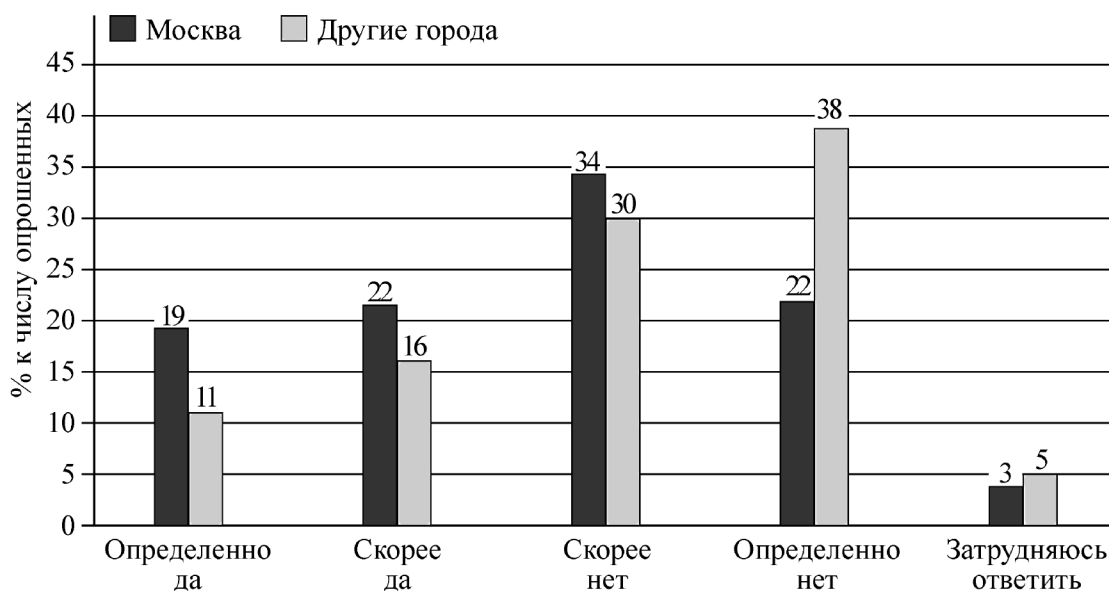

Рисунок 10. Хотели бы Вы уехать жить за границу?

Среди тех, кто хотел бы уехать из России навсегда или, по крайней мере, на неопределенно долгое время, больше мужчин, молодых людей, не обремененных собственной семьей (35% в возрасте до тридцати лет против 26% среди тридцатипятилетних и старше), наиболее образованных респондентов (среди имеющих послевузовское образование – 36%) (таблица 7) и особенно – москвичей (41%); тогда как среди жителей других городов таких значительно меньше – всего 27%.

Мотивы выезда на время или навсегда существенно различаются у разных категорий опрошенных. Хотел бы поехать за границу «поработать» лишь каждый третий (30%) из молодых госчиновников, 43% – из сотрудников госкомпаний, 47% – работающих в частных компаниях и 59% среди фрилансеров и людей сво-

бодных профессий. Распределение ответов о готовности уехать на ПМЖ за границу, соответственно, следующее: 20% – чиновников, 25% – работающих в госорганизациях, 32% – сотрудников частных фирм и 41% – самозанятых и фрилансеров.

Таблица 7. Хотели бы Вы поехать за границу на постоянное жительство...
(без указания затруднившихся с ответом)

	Определенно да + скорее да	Скорее нет + определенно нет
В среднем по выборке	31	65
Пол		
Мужской	33	62
Женский	29	67
Возраст		
24–29 лет	35	60
30–34 года	31	66
35–39 лет	26	69
Образование		
Незаконченное высшее	30	68
Высшее	31	65
Послевузовское	36	58
Род занятий		
Владелец собственного бизнеса	32	66
Руководитель высшего звена	23	70
Руководитель среднего звена	33	62
Специалист с высшим образованием	30	65
Домохозяйка	40	58
Потребительский статус		
Можем приобретать ТДП, но не автомобиль	32	64
Можем купить автомобиль	30	64
Ни в чем себе не отказываем	28	69

Желающие поехать за границу – на работу или ПМЖ – в массе своей (65–70%) уже много раз бывали за границей: в среднем за последние три года они выезжали не менее 4 раз. Прослеживается четкая зависимость: чем чаще опрошенные выезжали за границу, тем чаще они хотели бы работать за границей или уехать из России навсегда. Более того, у 78% потенциальных эмигрантов уже возникли связи и образовались знакомства как среди резидентов (22%), так и среди тех, кто давно уехал из России на ПМЖ (51%) и к настоящему времени вполне обосновался в новой среде. У абсолютного большинства тех, кто никогда не задумывался об отъезде, таких знакомств и ресурсов нет, что и неудивительно, поскольку основная мас-

са из них живет в провинции, где возможности получения информации и общения серьезно ограничены. Иначе говоря, те люди, которые хотели бы эмигрировать, уехали бы не в пустоту, а на уже хоть как-то освоенное и обжитое место; среди этого контингента весьма высок процент выезжавших раньше в гости к друзьям, родственникам, знакомым, а не просто в «анонимную» турпоездку.

Уровень своей квалификации почти половина из желающих уехать за границу (особенно на ПМЖ) оценивают заметно выше, чем те, кто не хотят никуда уезжать. У заявивших о готовности уехать свободное знание иностранных языков гораздо более распространено (52% из тех, кто готов уехать на ПМЖ, свободно говорят на английском, 62% свободно читают; среди тех же, кто не хочет никуда ехать, эти показатели составляют 30 и 37% соответственно). Еще 10% знают немецкий, 4% – французский.

Другими словами, более или менее серьезные мысли об отъезде из России возникают только у тех, кто уже обладает необходимой базой информации, кругом связей, способностью к общению и взаимодействию с другими людьми, кто обеспечил себе необходимые ресурсы поддержки, у кого выше компетенции, накоплен большой символический капитал (образование), или у тех, кто более инициативен и амбициозен, кто считает, что он заслуживает большего либо ориентирован на работу, представляющуюся для него приоритетной или самоценной, кто занят «делом», а не «служением» начальству. Уезжают в этой среде или серьезно задумываются над этим те, кто не просто хочет, но и имеет возможность уехать, кто обладает важнейшими способностями к социальному взаимодействию, качествами и ресурсом «социабельности»: напомним, что большинство (до трех четвертей) российского населения считают, что другим людям доверять нельзя и при потребности в помощи могут, как они сами признают, полагаться лишь на ближайших кровных родственников.

Потенциальные эмигранты весьма критично оценивают перспективы своей жизни в России по сравнению с Западом (*рисунок 11*). Пусть это сравнение с «идеальным» Западом, но ясно, что за такими оценками стоит осознание высокой цены достижения относительного благополучия в России (в том числе, возможно, и моральной – отказ от профессии, приспособление к режиму, зависимость от «временщиков»), понимание, что в российском обществе нет должных гарантий защиты этого положения (в первую очередь, правовых), отсутствуют механизмы общественной гратификации личных успехов. В этих условиях чувство ущемленного достоинства и невозможность хоть сколько-нибудь рационально, последовательно, эффективно контролировать свою ситуацию в настоящем и в будущем угрожают стать хроническими. Подавляющее большинство желающих уехать с одинаковой тревогой смотрят и в свое будущее, и в будущее страны (*рисунок 12*).

В группе потенциальных эмигрантов наиболее сильны самые негативные оценки существующего политического порядка; напротив, позитивные определения среди них – на последнем месте. Отметим, что именно остающиеся все еще цепляются за официальную пропаганду образца 2008 г. о наступившей стабильности (*рисунок 13*). Этот контингент «остающихся» как и большинство населения, не имеющего никаких возможностей уехать даже из своего города в другой, традиционно держится за российский «принцип надежды», работающий на вытеснение реальных проблем и пассивную адаптацию, закрепляющий бесправие и отсутствие возможностей влиять на происходящее не только в стране, но даже в ближайшем окружении – на работе, в месте, где живешь.

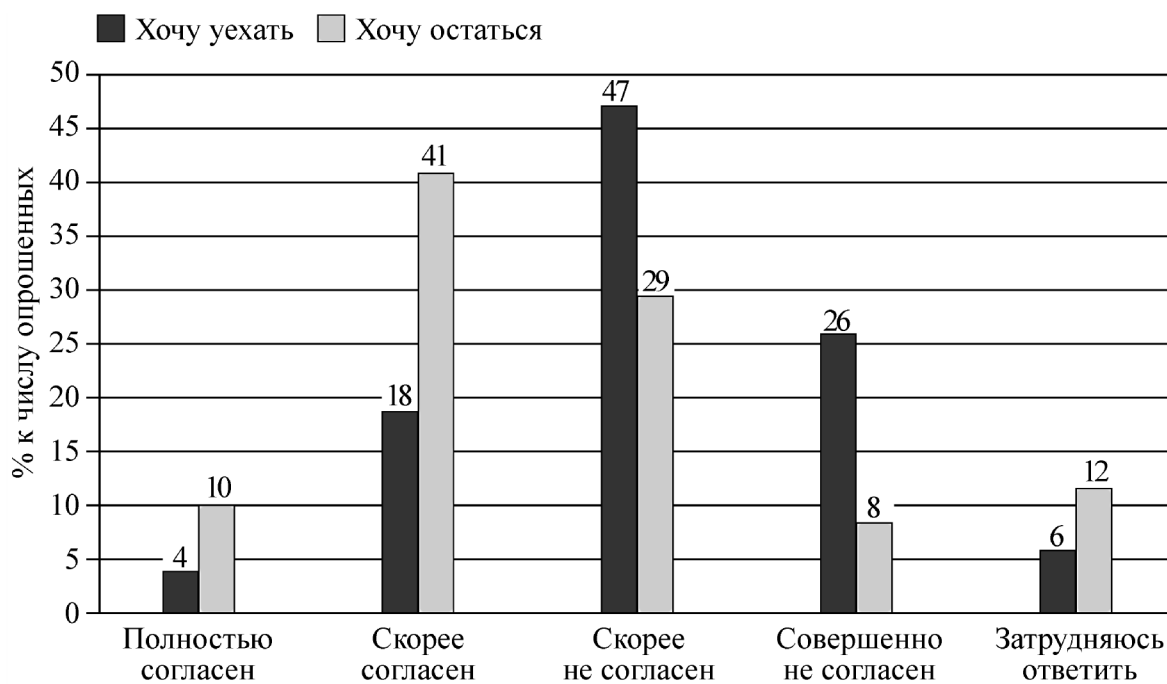

Рисунок 11. Вы согласны с мнением, что жизнь в России сейчас гораздо перспективнее, здесь больше возможностей для успеха, чем на Западе?
(% к числу в соответствующей группе)

Рисунок 12. С какими чувствами Вы смотрите в свое собственное будущее?
(% к числу в соответствующей группе)

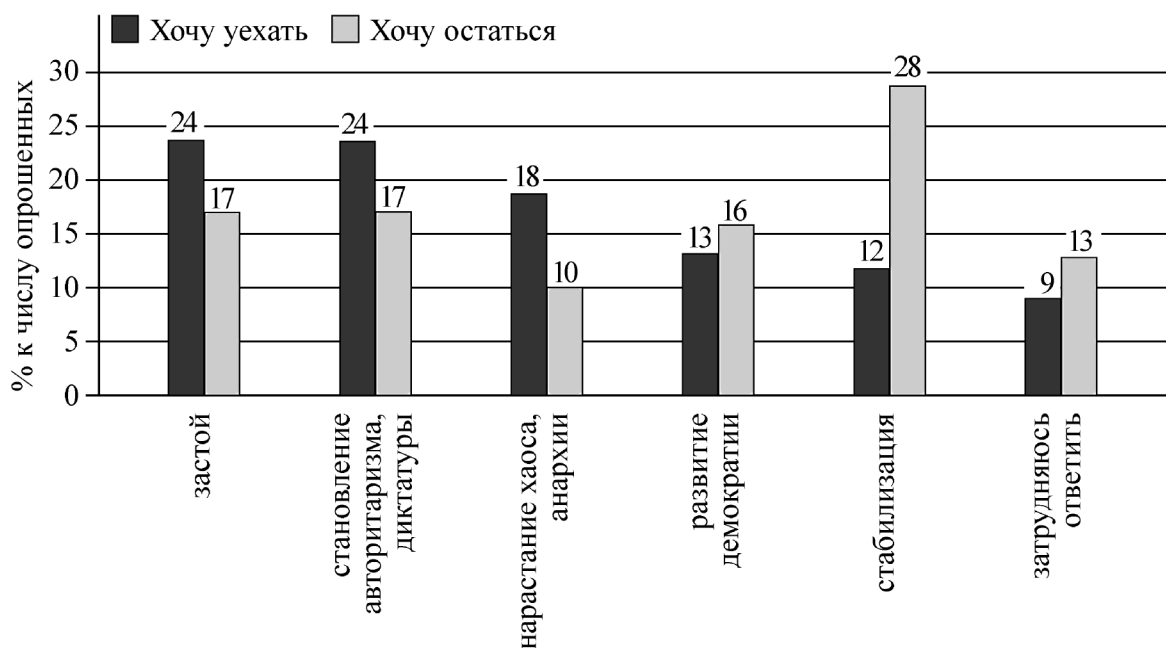

Рисунок 13. Как Вы считаете, в каком направлении развивается сейчас политическая жизнь России? (в % к числу в соответствующей группе)

Среди потенциальных эмигрантов отмечается и самый высокий уровень политической апатии, они не претендуют на политическое влияние, а потому и не являются «средним классом» в классическом смысле слова. Это недовольство и тревоги, связанные с ясным пониманием тупика, в котором оказалась страна при сложившемся режиме. Именно отсюда и возникает острая неудовлетворенность, желание бросить все и уехать, хотя понятно, что это означало бы для подавляющего большинства решение начать жизнь почти «с нуля».

Приведенный ниже список тревожащих обеспеченную молодежь проблем (таблица 8) во многом отличается от того, что беспокоит население в целом. Для населения самым важным являются рост цен, стагнация в экономике и основных отраслях промышленности (не связанных с нефтью или газом), рост безработицы, резкое расслоение общества, недоступность многих видов медицинского обслуживания. Для респондентов, условно относимых нами к «среднему классу», более тревожными знаками нестабильности оказываются уровень неуправляемого насилия в обществе, агрессии, слабость суда или неразвитость всей институциональной системы, потенциально обязанной защищать граждан от произвола как преступников, так и самой власти или ее узурпаторов на местном или федеральном уровне, деградация или неудовлетворительное состояние медицины и пенсионной систем, социальной сферы в целом. Подчеркнем, что большинство перечисленных острых проблем российского общества острее всего затрагивает именно самых квалифицированных респондентов (с послевузовским образованием) и наиболее

высокостатусных, самостоятельных людей (владельцев собственного бизнеса, руководителей высшего звена), на которых мы указывали выше как на подгруппу, наиболее ориентированную на отъезд из страны.

Таблица 8. Какие явления, стороны жизни в сегодняшней России вызывают у вас чувство неудовлетворенности или беспокойства? (в % к числу всех опрошенных)

Неоправданная дороговизна жизни	67
Низкое качество медицинских услуг	53
Повсеместная коррупция среди чиновников	49
Высокий уровень преступности	48
Наплыв мигрантов	41
Плачевное состояние системы образования	39
Моральное разложение общества	39
Слабая защищенность собственности	36
Ограниченные возможности для карьеры	35
Состояние пенсионной системы	35
Рост агрессивных настроений, нетерпимость в обществе	27
Отсутствие независимого суда	26
Рост русского национализма, ксенофобии	16
Сложившийся в России авторитарный режим	15
Ограничение свободы СМИ	14
Ограничение свободы выражения своих взглядов (отсутствие политической свободы)	9
Изоляционизм, закрытость России	7
Затруднились ответить, другое	1 и 2

Как и в 2008 г., собственно политические соображения занимают последние позиции в списке наиболее значимых факторов отъезда из России. Они важны, но лишь в качестве сопутствующих или дополнительных обстоятельств объяснения, почему для респондентов становится затруднительным в будущем или невозможным обеспечить себе гораздо более важные блага «нормальной жизни». На первое место эти молодые люди ставят две вещи: а) высокое качество жизни, ради которого следует много и упорно, изобретательно работать, и б) условия ее обеспечения – уверенность в будущем, сознание, что никто не сможет по собственному произволу лишить достигнутого. В это представление о качестве жизни в виде составных компонентов входят и правовая защищенность, без которой невозможно поддержание чувства собственного достоинства и уважения к себе, и недопустимость произвола, и честные, открытые правила ведения бизнеса, и соображения

о доступности качественного медицинского обслуживания, безопасная экология, обеспечение в старости, честная полиция, защищающая их от преступников, а не власть от общества и т.п. Это не отдельные претензии к власти, а целостное представление или воображаемый проект «удавшейся жизни».

Ведущими факторами возможного отъезда являются, прежде всего, те, которые связаны с *перспективами* – с проблемами полноценной собственной реализации, возможностями уверенно развивать свое дело, с будущим детей. Характерно, что значимость именно трех данных факторов за последние годы, как показывает сравнение на *рисунке 14*, особенно выросла.

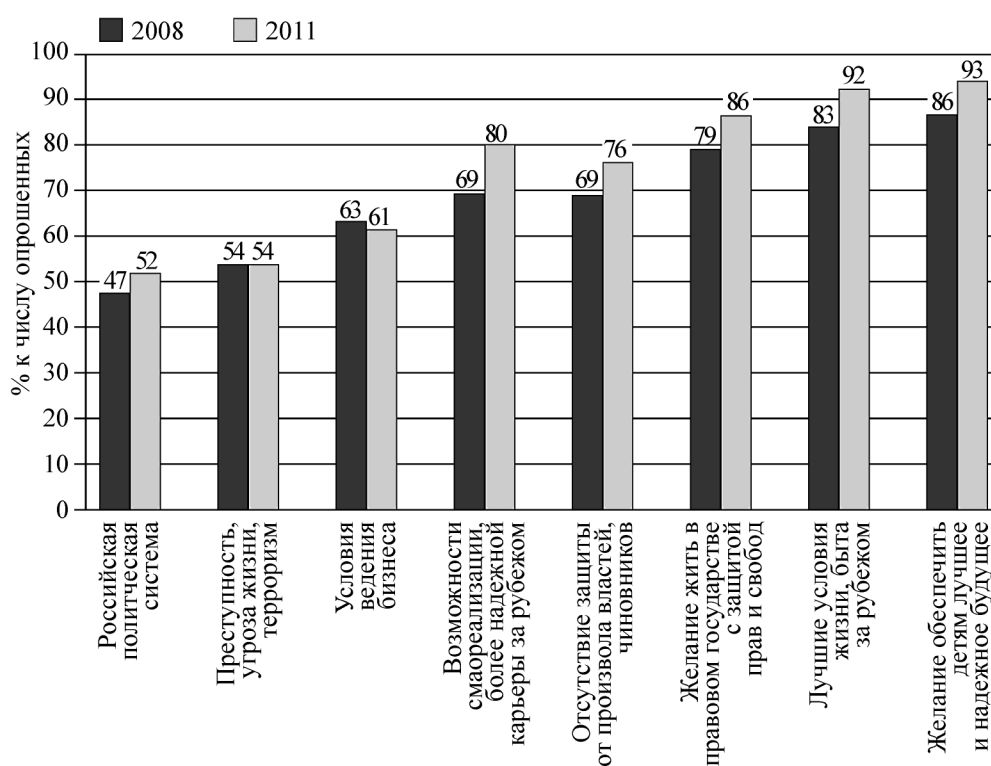

Рисунок 14. **Обстоятельства, из-за которых возникает желание уехать за границу**

Самый сильный фактор отъезда – специфика нынешней институциональной системы, необеспеченность собственности («угроза потери сбережений»), затем – «давления властей на бизнес», и лишь потом – угроза «ужесточения политического режима». Наименее значимыми для эмиграции в данном социальном слое оказываются – в особенности, для наиболее высокостатусных и ресурсобеспеченных подгрупп – страх перед потерей работы или опасность усиления политических репрессий.

Главный источник угрозы благополучию опрошенных – само нынешнее российское государство, не ориентированное на формирование современных институтов и условий защиты «нормальной» частной жизни человека, свободного

и не зависимо от тех, у кого сегодня власть. В наибольшей степени наши респонденты опасаются потери денежных сбережений (таблица 9). При этом острее других недостаточную защищенность своего достояния, накопленных ресурсов испытывают, конечно, владельцы собственного бизнеса и руководители высшего звена – до половины из них, по собственному признанию, испытывают по этому поводу постоянный и сильный страх.

Таблица 9. Боятесь ли Вы... (в % по строке)*

	Мало или совсем не боятся	Опасаются, но весьма умеренно	Боятся постоянно и очень сильно	Средний балл*
Потери сбережений	30	27	42	3,17
Усиления давления на бизнес, угрозы отъема бизнеса государством	37	27	34	2,91
Потери работы	39	27	33	2,88
Ужесточения политического режима	40	29	27	2,76

* Респондентам предлагалось оценить по шкале от 1 до 4 значимость каждого из перечисленных факторов в качестве причины эмиграции; ранжировано по среднему баллу.

Подчеркнем, речь не идет о людях, не способных за себя постоять или слабых, оправдывающих свою уязвимость и незащищенность интеллигентскими соображениями «это не хорошо» или «я это не умею». Абсолютное большинство наших респондентов (65%) вне зависимости от их намерений уезжать или оставаться в России готовы защищать себя и своих близких, свои интересы от репрессивного государства или рейдерства, чиновничьего произвола или каких-то других форм несправедливости любыми средствами, включая нелегальные или морально сомнительные. В ситуации, когда речь идет об угрозе здоровью близким и благополучию их детей или об интересах бизнеса и важнейших для них ценностях, от половины до двух третей из них легко пошла бы на незаконные сделки, подкуп или использование ресурса неформальных связей, чтобы добиться своего. Это не означает, что они коррумпированы или проникнуты криминальным духом, как раз наоборот: гораздо больше, чем прочие группы населения, они уверены в своих возможностях добиться того, что им нужно, легальными средствами, защитить свои права в суде, наняв хорошего адвоката (причем доля убежденных в таких возможностях выросла с 32% в 2008 г. до 45% в 2011 г.).

Иными словами, эти люди умеют жить в нынешней России и могут решать свои проблемы, но то, как им это приходится делать, им не нравится. Они предпочли бы цивилизованные формы, принятые в европейских, т.е. в демократических, странах; им не нравится среда, дух и моральное состояние общества, примиряющегося с этой властью.

Чрезвычайно важно, что данный слой начинает осознавать важнейший дефицит социальности – институционального признания их усилий, их представлений о порядке, включая защиту достигнутого или сохранение накопленных благ (частной собственности, возможности передачи детям того, что они сами заработали и т.п.). Не только деньги, не отдельные блага и ценности, которые у них уже есть, а все это в комплексе вместе с представлениями об определенном, целостном образе жизни, только и может служить интегральной мотивацией отказа от жизни в России, а это и есть пусть пока слабый и неартикулированный в политическом смысле росток групповых интересов. Они не могут (или не стремятся) найти политическое оформление, поскольку связаны со всем комплексом социальных и политических проблем общества в целом, но их осознание происходит при полном отсутствии солидарности, прежде всего, с социально «слабыми» группами и при доминировании установки «каждый сам за себя», которая представляет собой перевернутую конструкцию того же патернализма.

Заявленное в ходе опроса желание покинуть Россию, уехав в другие страны на работу, учебу или ПМЖ, совсем не означает, что оно будет когда-либо осуществлено. 60% заявивших о подобном желании респондентов ничего не делали в этом плане, ограничиваясь мечтательными переживаниями. Исходя из опыта изучения миграции, можно говорить с большей или меньшей определенностью, что преобладающая масса из числа опрошенных, скорее всего, никогда не уедет из России, если только не случится какая-нибудь социальная катастрофа. У подобных желаний другая функция: они важны для самоопределения человека и его места в *российской* жизни, дистанцированного отношения к происходящему *здесь*. Иными словами, это не столько мотивы реального действия, сколько символическая конструкция групповой или личностной идентичности. Эта идентификация выражается в данном случае через отстранение от сложившегося порядка, принимая у части (но никак не большинства!) молодых, урбанизированных, образованных и обеспеченных респондентов форму размышлений о возможном отъезде из страны.

Вместо заключения приведем слова известного политолога, одного из самых внимательных и проницательных наблюдателей происходящего в России: «Уход особенно привлекателен для российского среднего класса, представители которого стали потребителями, но вместе с тем скептически оценивают эффективность коллективных действий. <...> Появление в России среднего класса, настроенного на отъезд из страны, – это один из важнейших факторов, способствующих выживанию режима. <...> Как ни парадоксально, открытие границ и предоставление гражданам возможности жить и работать за рубежом привели к исчезновению запроса на политические реформы в России. Те, кто более других недоволен низким качеством государственного управления, – это те самые люди, которые проявляют наибольшую готовность уехать из России и имеют для этого больше возможностей. Им легче покинуть страну, в которой они живут, чем ее реформировать. <...> Основная причина, почему россияне не испытывают желания протестовать, – это не страх. Дело в другом: люди, которые в наибольшей степени заинтересованы в переменах, или уже покинули страны, или сделают это в ближайшем будущем, а то и просто могут перебраться в виртуальную реальность интернета (россияне

в среднем проводят в социальных сетях в два раза больше времени, чем жители западных стран). В результате в России отсутствует критическая масса людей, которые могли бы предъявить спрос на изменения. <...> Я думаю, что в будущем неэффективные авторитарные режимы, которые мы наблюдаем сейчас в России, вряд ли придут к демократии: скорее их ждет деградация. И после Путина придет не потоп, а упадок и разложение» [Крастев 2011].

Литература

- Аузан А.А. (2010) Российский средний класс не растет и не является инноватором // http://www.polit.ru/news/2010/10/15/auzan_print.html (Auzan A. (2010) Russian Middle Class Is Not an Innovator and It Doesn't Grow // http://www.polit.ru/news/2010/10/15/auzan_print.html)
- Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Мисихина С.Г., Омельчук Т.Г. (2012) Изменения социальной структуры российского общества и ее политические последствия: попытка прогноза // Мир России. № 1 (Belanovsky S., Dmitriev M., Misihina S., Omelchuk T. (2012) Changes in Social Structure of Russian Society and Its Political Consequences: an Attempt to Forecast // Mir Rossii. № 1).
- Гудков Л.Д. (2011) Abortивная модернизация. М.: РОССПЭН (Gudkov L. (2011) Abortive Modernization. Moscow: ROSSPEN).
- Гудков Л.Б. (2012) Социальный капитал и идеологические ориентации // Pro et Contra. № 3 (Gudkov L. (2012) Social Capital and Ideological Orientations // Pro et Contra. № 3).
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. (2007) Проблема «элиты» в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия» (Gudkov L., Dubin B., Levada Yu. (2007) The Problem of 'Elite' in Modern Russia. Reflections on the Results of Sociological Survey. Moscow: Fond 'Liberalnaya missia').
- Дмитриев М.Э., Белановский С.А. (2012) Общество и власть в условиях политического кризиса. Доклад экспертов ЦСР Комитету гражданских инициатив. Май 2012 // <http://www.csr.ru/images/docs/doklad.pdf> (Dmitriev M., Belanovsky S. (2012) Society and Power in the Conditions of Political Crisis. Report of CRS's experts to the Civil initiative committee. May 2012 // <http://www.csr.ru/images/docs/doklad.pdf>).
- Зоркая Н.А. (2003) Проблемы повседневной жизни семьи. «Бедность» как фокус восприятия повседневных проблем // Вестник общественного мнения. № 1 (Zorkaya N. (2003) Problems of Everyday Family Life. 'Poverty' as the Focus of Perception of Everyday Problems // Vestnik obzhestvennogo mnenia. № 1).
- Зоркая Н.А. (2008) Современная молодежь: к проблеме «дефектной» социализации // Вестник общественного мнения. № 4 (Zorkaya N. (2008) Modern Youth: the Problem of 'Defective' Socialization // Vestnik obzhestvennogo mnenia. № 4).
- Зубаревич Н.В. (2011) Перспектива: Четыре России // Ведомости. 30.12.2011. № 248 // http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/273777/chetyre_rossii (Zubarevich N. (2011) Four Russias // Vedomosti. 30.12.2011. № 248 // http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/273777/chetyre_rossii).
- Константинова О. (2012) Динамика статусных самооценок населения России в 1994–2011 гг. // Вестник общественного мнения. № 3 (Konstantinova O. (2012) The Dynamic of Subjective Socioeconomic Status in Russia in 1994–2011 // Vestnik obzhestvennogo mnenia. № 3).

- Красильников С.А.* На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). Глава 1. Лишенные избирательных прав: (лишенцы) как маргинальная группа (1918–1936 годы) // http://zaimka.ru/soviet/krasiln1_p1.shtml (*Krasilnikov S.* Fracture of Social Structure: the Misfits in Post-Revolutionary Russian Society (1917 – the end of the 1930s.). Chapter 1. Deprived of voting rights as a marginal group (1918–1936) // http://zaimka.ru/soviet/krasiln1_p1.shtml).
- Крастев И.* (2011) Парадоксы нового авторитаризма // Pro et Contra. № 3–4 (*Krastev I.* (2011) Paradoxes of the New Authoritarianism // Pro et Contra. № 3–4).
- Левинсон А., Стучевская О., Щукин Я.* (2004) О тех, кто называет себя «средний класс» // Вестник общественного мнения. № 5 (*Levinson A., Stuchevskaya O., Zhukin Ya.* (2004) About Those Who Call Themselves ‘Middle Class’ // Vestnik obzhestvennogo mnenia. № 5).
- Левинсон А.* (2008) О среднем классе в конце прекрасной эпохи // Вестник общественного мнения. № 6 (*Levinson A.* (2008) About the Middle Class at the End of a Beautiful Era // Vestnik obzhestvennogo mnenia. № 6).
- Россия-2020: Сценарии развития (2012). М.: РОССПЭН (Russia-2020: Development Scenarios (2012). Moscow: ROSSPEN).
- Самсон И., Красильникова М.* (2010) Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф? // Вестник общественного мнения. № 4 (*Samson I., Krasilnikova M.* (2010) Russian Middle Class: Emerging Reality or an Old Myth? // Vestnik obzhestvennogo mnenia. № 4).
- Советский простой человек (1993). Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. М.: Мировой океан (Soviet common man (1993). Social Portrait at the Turn of 90's. Moscow: Mirovoyu okean).
- Тихонова Н.Е.* (2008) Классы в современной России: миф или реальность? // Россия реформирующаяся. М.: ИС РАН (*Tikhonova N.* (2008) Social Strata in Modern Russia: Reality or Myth? // Reformed Russia Moscow: IS RAS).
- Шкаратаи О.И., Ястребов Г.А.* (2008) Российское неократическое общество и его стратификация // Социологические исследования. № 11 (*Shkaratan O., Yastrebov G.* (2008) Russian Neo Etacratie Society and its Stratification // Sotsiologicheskie issledovaniya. № 11).
- Шкаратаи О.И.* (2012) Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Высшая школа экономики (*Shkaratan O.I.* (2012) Sociology of Inequality: Theory and Reality. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki).
- Шкаратаи О.И., Ястребов Г.А.* (2011) Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России // Общественные науки и современность. № 2 (*Shkaratan O., Yastrebov G.* (2011) Comparative Analysis of Social Mobility in Russia and USSR // Obzhestvennyye nauki i sovremennost. № 2).
- Ястребов Г.А.* (2011) Характер стратификации российского общества в сравнительном контексте // Вестник общественного мнения. № 4 (*Yastrebov G.* (2011) The Nature of Stratification in Russian Society in a Comparative Context // Vestnik obzhestvennogo mnenia. № 4).
- Warner W.L.* (1942) The Status System of a Modern Community. New Heaven; L.
- Warner W.L.* (1949) Social Class in America. Chi.
- Weber M.* (1972) Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. Tübingen.